

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ТАЙНЫЕ ТРОПЫ

Андрей Александрович Васильев
Тайные тропы
Серия «Агентство ключ», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70055263*

Аннотация

Бывает так, что взявшись за какую-то работу, человек через некоторое время начинает жалеть о принятом им решении. Максим Чарушин, владелец агентства "Ключ", тоже испытал нечто подобное, когда вокруг принятого им вроде бы несложного заказа вдруг поднялась нездоровая суэта и начали умирать люди, а после еще и обозначилась перспектива дальней дороги, ведущей в не самые населенные места, да еще и в не самой обычной компании. Но деваться некуда, поскольку слово, данное им, Максим привык держать всегда.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	48
Глава 4	69
Глава 5	90
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Андрей Васильев

Тайные тропы

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, зданиями, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава 1

– Еще раз – ты вот прямо вообще ничего не видел?

– То есть абсолютно, – ответил я сидящему напротив меня мужчине и даже развел руки в стороны, как бы говоря: «Ну, вот так вот, ничего не поделаешь». – Кроме трупов, естественно. Так их не захочешь, а разглядишь.

– И не слышал? Конкретно вот эта гражданка ничего тебе сообщить не успела? – настырно уточнил собеседник, мотнув подбородком в сторону мертвой женщины, приколотой копьём к стене.

– Представь себе! – уже чуть более раздраженно произнес я. – Если честно – ты сам сколько бы протянул с лезвием под сердцем, да еще таким широким? Минуту? Две? И много бы успел сказать, даже представься такая возможность?

– Паш, по факту он прав, – неожиданно заступился за меня напарник настырного представителя власти, который до того в разговоре особо не участвовал. – Ты же сам видишь – удар профи наносил, после такого не выживают.

Скажу честно – вот чего не ожидал, так это того, что сюда, в дом, принадлежащий общине ворожей, ни с того ни с сего нагрянет парочка сотрудников отдела 15-К, которому, как известно, всегда есть дело до всего. И ведь что обидно, они прямо в дверях меня прихватили, еще бы пара минут – и все, разминулись бы мы с ними, как в море корабли. Но –

не случилось.

А самое неприятное то, что одним из двух оперативников оказался Павел Михеев, с которым я... Как бы так сказать-то... Не ладим мы, короче. Вернее – это конкретно он меня недолюбливает, причем понятия не имею за что. Дорогу этому господину я сроду не переходил, в спину ему не стрелял, женщину не отбивал, денег в долг безвозвратно не брал, взятку не предлагал, потому причины данной неприязни мне абсолютно непонятны. И ведь не выяснишь их никак. Ну не спрашивать же мне у него напрямую: «Мужик, чего я тебе плохого сделал?» – верно? Это будет очень странно выглядеть. Да и ответа не последует, скорее всего.

Нет, утверждать, что он мне сует палки в колеса, конечно, нельзя. Сотрудников отдела можно обвинять в чем угодно – в чрезмерной жесткости там, где можно без нее обойтись, в повышенной хитровыдуманности, в периодическом нежелании идти на разумные компромиссы, но две вещи им точно нельзя предъявить, а именно – мздоимство и предвзятость. Ну да, знаю, подобное утверждение может кому-то показаться смешным и неправдоподобным, но это на самом деле так. Никто не может сказать, что люди с Сухаревки (а именно там с давних времен расположено здание, в котором размещен отдел) кого-то наказали за чужие грехи или за барашка в бумажке прикрыли на что-то глаза. Ни раньше, ни сейчас такого не случалось, за что, собственно, эту братию все, кто обитает в сумерках, уважают. Не любят, называют «гон-

чими» и «вражинами», избегают с ними лишних встреч, но, повторюсь, уважают.

– Коля, так господин Чарушин вроде тоже не дилетант – заметил Михеев – И удар у него поставлен хорошо. Видел, помню.

– Ну-ну-ну, – поморщился я. – Не надо на меня вешать всех собак. Тела уже холодные, то есть их убили не прямо вот-вот, а куда раньше. Я же сюда заявился незадолго до вашего прихода, меня видела куча местных жителей на улицах СНТ, плюс зафиксировали камеры на шоссе. Имеется в виду машина, в которой я был.

А вот тут прокололся. Зря про машину упомянул, они за нее могут зацепиться. Одних местных жителей как свидетелей вполне хватило бы.

– Да не вешает на тебя никто никаких собак, Макс, – отмахнулся Николай. – Но и сбрасывать со счетов тот факт, что в том доме, где мы тебя застали, обнаружилось еще три трупа, тоже никак нельзя. Надо же разобраться, верно? Это ведь не шутки. Тем более если учитывать, что одна из покойных особа совсем не простая. Ты же знаешь, кто на стене висит, верно?

– Знаю, – подтвердил я, – Беяна, правая рука Ильмеры.

– Именно. – Николай тоже присел за стол, оказавшись прямо напротив меня. – Убита ворожея, да еще из высокопоставленных. Представляешь, что сейчас может начаться?

Этого молодого парня со шрамом на лице, который в отде-

ле работает куда меньше по времени, чем его напарник Михеев, но при этом уже стал заместителем начальника, многие в ночной Москве побаивались и не любили куда больше, чем всех остальных его коллег. Почему? Потому что было общеизвестно – Николай Нифонтов всегда очень мягко стелет, но на приготовленном им ложе невероятно жестко спать. Равно как и то, что если ты с ним заключил сделку, то будь готов к тому, что почти наверняка пользы ты ему принесешь вдвое, а то и втрое больше, чем он тебе. Но при этом на сделки эти шли, поскольку Нифонтов непонятно каким образом всегда мог вывернуть дело так, что деваться было просто некуда. И, что важно, он всегда держал данное им слово, без всяких увиливаний и отговорок, даже тогда, когда ему самому это было невыгодно.

– Разумеется, – снова кивнул я. – Но повторяюсь: ко мне какие претензии? Что с вашей стороны, что со стороны ворожей. Я пришел, они мертвые. Всё.

– Приехал, – поправил меня Николай. – И кстати, сразу вопрос, – а на чем? У тебя, помнится, «форанер». Так же? И где он? На стоянке мы такой машины точно не заметили.

Как чувствовал! Вот тут начиналась довольно скользкая дорожка, на которую мне очень не хотелось ступать. Дело в том, что Володя, похоже, по какой-то причине не захотел встречаться с этими ребятами, такой вывод я сделал на основании того, что в дом с оперативниками он не вошел, и те о его присутствии никак не упомянули.

Кстати – почему он так поступил? Всю дорогу мне спину прикрывал, а тут не стал. Мало того – вообще предпочел уйти в сторонку. При этом он даже не знал, что тут в доме случилось, потому и предположить не мог, что является потенциальным свидетелем по делу о тройном убийстве.

– Приятель подбросил, – ответил я. – Ему по дороге было, он и оказал мне такую услугу.

– Нам бы с ним поговорить, – произнес Нифонтов. – Да и тебе это на пользу пойдет. Его показания, по сути, являются твоим алиби.

– Ой, да ладно! – поморщился я. – Думай вы, что это моих рук дело, то разговор в другой тональности шел бы.

– Мы имеем то, что имеем, – рассудительно заметил Нифонтов. – Три трупа и тебя, стоящего рядом с ними. Вывод напрашивается.

– Пока не напрашивается, а притягивается за уши, причем усиленно. И кстати, очень грубо, без малейшей логики. – Я встал из-за стола, сделал пару шагов в сторону и оказался рядом с телом толстой ворожеи. – Не знаю, кто и как прибил, например, вот эту бедолагу, но лично мне подобное точно не под силу. Ее словно через дробилку пропустили, видно же. Опять-таки копые. Ладно, предположим, что твой коллега прав, и это я Беляну, как бабочку-белянку, к стене пришил. Но сомневаюсь, что она просто стала бы стоять на месте и этого ждать. Покойная была дамой резкой, быстрой и силой не обделенной, вам ли того не знать? Да

и «пальчиков» моих на рукояти нет. Так что не наводите тень на плетень, хорошо? Лучше прямо спросите, чего вам от меня нужно, что знаю, то расскажу.

– Ты в курсе, зачем эти двое приехали в Москву? – ментально воспользовался моим предложением Николай. – Кто вон тот мужик, что он тут делал? И самое главное – ты сам для чего сюда прибыл?

Три вопроса и все очень неприятные, из числа тех, на которые отвечать не хочется. Причем не то что правдиво, а вообще. Но и врать мне не резон, потому что, если правда всплывет, а такое вполне возможно, то отдельные будут в полном праве выкатить мне претензию.

Не хочу я с ними ссориться. Невыгодно это.

– По первому вопросу – хрен знает. Ворожеи никогда и ни с кем своими планами не делятся, – усмехнулся я. – Их порода – вещь в себе, они на всех болт класть хотели, на меня в том числе. И про мужика ничего толком сказать не могу, кроме того, что он явно калдырил, как не в себя. Запах перегара чувствуете? Явно от него духманит, не от Беяны же?

– Ладно, – кивнул Нифонтов. – Ну а ты-то что тут забыл?

– Заказ, – пожал плечами я. – Ворожеи кое-что просили достать, я их пожелание почти выполнил, но «почти» не «со-всем». Узнал, что Беяна в городе, решил заехать, с ней по-толковать. Сам знаешь, до великой матери достучаться задача из непростых, а тащиться к ним за семь верст киселя хлебать неохота. Хотя сейчас думаю, что лучше бы поехал, оно

мне дешевле бы вышло.

Тут пришлось правду немного вывернуть наизнанку и переиначить, но по-другому никак не получалось.

– Что за заказ? – спросил Михеев.

– Цеце-це! – погрозил пальцем ему я. – Подобные вещи всегда остаются между заказчиком и исполнителем, таковы правила. Но даю слово, что ничего противозаконного он в себе не содержит. Да и я бы не стал в грязь лезть, мне принципы дороже.

– Ой ли? – прищурился Павел. – А кто в свое время отмазывал оборотня, который заляпался в крови по самую макушку? Не ты ли?

– Слушай, сколько можно мне это вспоминать? – абсолютно искренне возмутился я. – Во-первых, я о его преступном прошлом знать не знал и ведать не ведал. Во-вторых, расторг с ним договор сразу после того, как правда всплыла наружу, а после оказал отделу всяческое содействие в его задержании. Было такое?

– Было, – признал Нифонтов.

– А кулон графини Поречной, из-за которого несколько человек погибло, кто вам на Сухаревку принес? Обратно я. Замечу – себе в убыток, и, кстати, немаленький, а ваша рыжая при этом меня даже внутрь здания не пустила, на крыльце беседовала, как с лакеем каким-то. И заметим, я обиду не затаил, хотя и имел на то полное право. Так что заканчивайте этот цирк с конями, заканчивайте. И вообще – по-

шел я. Не знаю уж, зачем вы сюда пожаловали, а моего интереса тут больше точно нет. Полицию же вы вызывать не будете, верно? Ту, которая настоящая? Нет? Я так и думал.

В том, какой будет получен ответ, я даже не сомневался. Ворожеи очень серьезно относятся к вопросам даже не самой смерти, а посмертия, потому мысль о том, что тело одной из них попадет в руки патологоанатома и будет лежать в судебном морге, любой из них изначально противна. Подобное для них в принципе недопустимо, им нужен ритуал, белые хламиды, протяжные песни с хождением по кругу вокруг тела, погребальный костер, а не прозектор с весами, на которые тот станет бухать внутренние органы умерших. Оперативники это отлично знают, как, впрочем, и то, что другого такого шанса занять должника в виде великой матери в частности и общины в целом им может больше не представиться. Наверняка они сначала выдержат паузу, чтобы в общине возникло волнение по поводу пропавшей из поля зрения Беяны, затем позвонят великой матери, наговорят ей всяких красивых фраз вроде «Уважая ваши принципы, мы не могли поступить по-другому» и «Понимаем, что идем на должностное преступление, но наш отдел всегда дружески относился к общинам ворожей», после еще раз попытаются вызнать, какого лешего тут делала Беяна, и под конец очень толсто намекнут на то, что в будущем, возможно, они обратятся к Ильмере с какой-то просьбой и рассчитывают на то, что будут ей услышаны.

Очень надеюсь, что разговаривать с ними станет Нифонтов, он, скорее всего, о моем участии в случившемся предпочтет промолчать. Не по доброте душевной, нет, просто прибережет эту информацию на потом – ну как пригодится? Но вот если нет, если беседу будет проводить Михеев, то плохо. Этот молчать не станет, и еще неизвестно, как именно подаст случившееся. Умышленно грязь лить не станет, конечно, и искажать факты тоже, не тот это человек, он себя уважает, но общеизвестно, что одну и ту же историю при желании можно поведать разным образом. В одном случае от нее обхохочешься, в другом разрыдаешься, а в третьем вообще волосы дыбом на голове встанут. Всё всегда зависит от таланта рассказчика, его ума и умения расставлять факты в нужной последовательности. А Михеев кто угодно, только не дурак, потому пазл в нужном ему виде он соберет без труда.

Единственный плюс – в этом случае я буду освобожден от выполнения предсмертной воли Беляны. Ильмера просто не станет со мной говорить, а передать последние слова покойной ворожеи я должен именно ей, обещано было именно это. Хотя, выбирая между двумя бедами, я бы предпочел сдержать данное слово. Не нужна мне сейчас вражда с ворожеями, не до нее, других дел вагон и маленькая тележка имеется. Может, вообще на Урал придется лететь. Да и противники они серьезные, от которых просто так не отделаешься. Да, Мирослав меня научил многому и познакомил с доста-

точным количеством людей и нелюдей, которые при необходимости могут обеспечить мне поддержку, но без особой нужды задействовать эти ресурсы я не хочу. И при ней тоже. За просто так никто ничего в этом мире не делает, а я в должниках ходить с детства не люблю.

– Из города не уезжай, – бросил в спину мне Михеев. – Можешь понадобиться.

– Не обещаю, – не поворачиваясь, ответил ему я. – У вас расследование, а у меня бизнес. Если мы, предприниматели, будем на одном месте сидеть и ничего не делать, то вам, бюджетникам, зарплату платить нечем станет.

И все-таки – зачем они сюда приехали? Чего хотели узнать или увидеть? Что, если и Ровнин сотоварищи про слезу Рода пронюхал и решил вступить в гонку? Если да – плохо. Одно дело соревноваться в скорости и силе с гулями, ведьмами и даже нагами, и совсем другое – пытаться обставить государство. Такие игры хорошо не заканчиваются.

Володя обнаружился на стоянке, там, где мы оставили машину. Он сидел на лавочке, смотрел на темное небо и время от времени хлопал себя по щекам, гоняя назойливых комаров.

– Извини, – немного виновато сказал он, когда я плюхнулся рядом с ним. – Мне с той парочкой, что в дом зашла, видется лишний раз особой радости нет.

– Даже так? А ты откуда вообще их знаешь?

– Сталкивался как-то раз, – отвел глаза в сторону води-

тель. – Неважно когда, где... Было и было. Я их как увидел, так сразу рассудил – навредить тебе они никак не могут, верно? Они ж не по этой части. Ну и свалил в лесок, пока меня не заметили, а потом через другой край поселка сюда, на стоянку вышел.

Очень мне любопытно, где ты гончим с Сухаревки дорогу перешел. Может, они что-то про тебя знают? Что-то особенное? Например, на кого ты работаешь?

Но сейчас такие вопросы задавать не время и не место. Да и вообще – мне в Москву надо, причем не домой, а в офис. Во-первых, дома мало ли кто меня ждет? День вышел богатым на неожиданные встречи, почему ночь не может продолжиться в той же тональности? Во-вторых, до Москвы уже могла дойти посылочка от моего восточного друга Анвара-эффенди, на что, признаться, я очень рассчитываю, ее содержимое в свете последних событий мне придется очень кстати. Печально, конечно, что изначальные планы, связанные с тем, что мне прислал турок, накрылись медным тазом, но когда нет гербовой бумаги, то пишут на простой. Плюс – время. Оно сейчас работает против меня, причем чем дальше, тем сильнее, это тоже надо учитывать.

Но есть и положительные моменты. Главное на текущий момент то, что мои конкуренты отстают не только от тех, кто присвоил себе артефакт, но и от меня. Да, это весьма сомнительное преимущество, но лучше что-то, чем ничего.

А слезы Рода в столице или уже нет, или она вот-вот ее

покинет, я в этом уверен. И что-либо изменить в данной связи у меня никакой возможности нет. Да и как? Кто убил ворожей, как эти люди или нелюди выглядят, каким образом будут выбираться из города – вон сколько вопросов. А ответов ни на один из них нет.

Но это пока. В ближайшие дни я надеюсь все расставить по полочкам, и тогда картина заиграет новыми красками. Беляна, упокойся с миром ее душа там, куда она попала, кое-какие ключики к замочкам мне успела дать – Куль-Отыр, Уфалейский хребет, красная луна. Что до первого момента – это явно имя языческого бога, причем из старых, и наверняка не сильно доброго, так как его последователи убивают без особых раздумий и сожалений. Согласен, это не показатель, во времена старых богов убийство вообще иногда являлось частью ритуала, причем это правило распространялось и на светлые сущности, и на темные. Но я помню, как Беляна произнесла это имя, с какой ненавистью. Хоть ворожей и не самые добрые существа на этой планете, темных богов они сильно не жалуют что наших, что не наших, это всем известно, так что Куль-Отыр этот скорее всего сродни нашему Морроку, Моране да Карачуну. Или еще хуже.

С Уфалейским хребтом тоже все ясно – Средний Урал. Бывал я там несколько раз, правда, до самого хребта не добирался, но, когда ходил по Чусовой, видеть его видел. Не весь, конечно, у него протяженность ого-го какая. Я Чистый Увал видел, его самую высокую вершину. Так вот где-то там,

у хребта, начало дороги. Какой, куда ведущей – пока не понимаю, но, думаю, после того как прояснится ситуация с персоналией по имени Куль-Отыр, какие-то мысли на этот счет возникнут. Ну и надо по максимуму собрать все легенды и предания о данном месте, в них зачастую можно найти жемчужины истины.

А вот насчет красной луны у меня соображений вообще никаких нет, кроме того, что это либо часть некоего ритуала, либо вообще его название. Хотя Беяна сказала «вышла», потому речь может идти и непосредственно о небесном теле, которое сегодня сияет как оглашенное. Что, к слову, нынче мне на руку.

Ну и про копье не стоит забывать, оно тоже источник информации. Вернее руны, те, что начертаны на рукояти и лезвии. Непосредственно оригинал, разумеется, остался в руках отдельных, но я как раз перед тем, как столкнуться с ними в дверях, сфотографировал на телефон орудие убийства Беяны со всех ракурсов. Есть у меня один знаток-языковед, может, он чего подскажет на этот счет?

До Москвы мы добрались быстро, я даже вздремнуть на заднем сиденье машины не успел. То и дело зевающий Володя высадил меня, осведомился, не надо ли составить мне компанию, услышал «нет», довольно улыбнулся и отбыл в неизвестном направлении.

В офисе царили тишина и темнота, плюс в нем ощущался приятный запах восточных сладостей. Стало быть, достави-

ли уже привет от Анвара, не ошибся я в своих предположениях.

– Сенька! – включив свет, гаркнул я. – Арсений, где ты есть?

– Тут я! – раздался голос домового, а после и сам он выскочил из-за одежного шкафа. – Чего?

– Сегодня в офис посылку привезли из-за границы. Где она?

– Так вот. – Сенька залез под стол Ангелины и, кряхтя, вытащил из-под него здоровенную корзину, набитую всякой всячиной. – Из самой Туретчины! Там еще фрукты были разные, но их Гелька в холодильник убрала. Ох, она и ругалась!

– Ругалась? – удивился я, ставя корзину на стол. – На что? Или на кого?

– Дескать, сколько можно, шлют и шлют, а у нее и так задница уже, как у слонихи, – зачастил домовый, как бы между прочим засовывая в рот кусочек халвы. – Я ей говорю – так не ешь! А она в меня степлером кинула, ага. Я-то увернулся, а степлер вдребезги разбился о стену. Сказал бы ты ей, хозяин, что нельзя так. Вещь ненашенская, полезная, дорогая, наверное, а она ее об стену! Разве так можно? И еще вон выбоина осталась.

Он подбежал к стене и ткнул коротким пальчиком, который заканчивался небольшим черным коготком, в стену, где действительно была чуть содрана краска.

– Скажу, – пообещал я, роясь в корзине. – Слушай, тут по-

мимо всей этой дребедени должна быть коробочка небольшая... Или футляр. Знаешь, что такое футляр?

— Была, — покивал Арсений. — Точно-точно. С бантиком. Гелька ее в сейф убрала, тот, что в твоём кабинете.

— Понятно. — Я поставил корзину обратно под стол, отметив, что Анвар в самом деле не поспешил на разнообразные вкусняшки. — Ты вот что — сходи на чердак, попроси Модеста Михайловича ко мне спуститься.

— Бегу, — с готовностью отозвался домовой.

— Стой! — гаркнул я. — Сенька, именно что попроси. Вежливо. Вот так: «Модест Михайлович, Максим очень просит вас уделить ему несколько минут своего времени». Запомнил? Не перепутаешь?

— Запомнил, — преданно уставился на меня домовой. — Все как есть передам!

Очень на это надеюсь. А то ведь Модест мне до сих пор припоминает случай, после которого мы с ним чуть не разругались, причем в одностороннем порядке. Я тогда точно так же отправил Сеньку к нему на чердак, сказав, чтобы он позвал в наш офис пожилого вурдалака. И что наше горюшко сотворило? Оно приперлось к Модесту и заявило, что хозяин велел ему сей же час быть у него. Ну, не дословно, но что-то в этом духе.

Само собой, самолюбивый до одури вурдалак воспринял услышанное как личное оскорбление, но таки спустился вниз, правда, не за тем, чтобы поточить со мною лясы, а для

выяснения отношений с возможным последующим кровопусканием. И после мне пришлось очень долго доказывать ему, что Сенька что-то не так понял, что я не воспринимаю Модеста Михайловича ни как своего сотрудника, ни, тем паче, как своего слугу, что мое уважение к нему широко и длинно, как река Волга, и так далее и тому подобное.

Зато теперь, памятуя о том бесконечном вечере извинений, я всякий раз объясняю Сеньке, что и как следует говорить Модесту Михайловичу, когда зовешь его в гости. Лучше перебдеть, чем снова быть морально препарированным.

Домовой умчался, я же пошел в свой кабинет и достал из сейфа упомянутую им коробочку, добротную, красивую, обтянутую сафьяном и в самом деле перевязанную голубой ленточкой с красивым бантиком. Вот умеют все же турки подать товар лицом, а? Поглядишь на упаковку, и все, ты уже подцеплен на крючок, тебе даже не очень важно, что там внутри.

Я сел за стол, развязал бантик, открыл коробку и увидел внутри перстень, вставленный в красивую красную бархатную подушечку. Серебряный, массивный, с плоским зеленым камнем, судя по густому цвету и восковому блеску, хризопразом, некогда столь любимым Александром Македонским. Он вряд ли привлек бы к себе внимание сегодняшних любителей украшений. «Грубая работа», – сказали бы они, только глянув на него, и объективно оказались правы.

Да, работа действительно грубая, как и у большинства

украшений, которые делались много веков назад. Мода на тонкость плетения узоров, изящность ювелирных рисунков, филигранную обработку металла и камней пришла в мир не так давно, ей пять-шесть веков, не более того. Семья Меллерио, собственно, и установившая в какой-то момент новые критерии качества на ювелирном рынке, вошла в этот бизнес в начале пятнадцатого века и потом еще сто лет шла к тому, чтобы их признали лучшими из лучших. А ведь это старейший из известных ювелирных кланов, работы Меллерио украшали пальцы, запястья, шеи и мочки ушей почти всех королей, королев, императоров, принцев и принцесс Старого Света за последние столетия, от представителей семейства Медичи до Марии-Антуанетты и последних Романовых.

Но в этом перстне есть то, чего нет в изящных и притягательных внешне украшениях дня сегодняшнего. В этом перстне живет Время, его тяжесть – не вес металла, из которого он сделан, а спрессованные годы, столетия, тысячелетия. Этот перстень ощущал тепло рук повелителей, от которых в истории остались только имена, его снимали с пальцев убитых монархов мозолистые от рукояти меча руки низвергателей империй и тискали потные от жадности лапищи разбойников, он лежал в шкатулках, сокровищницах и даже кладях. Он видел и знает столько, сколько не ведает ни один историк, живущий на белом свете, но никогда никому об этом не расскажет. А жаль!

Не скрою – я очень падок вот на такие вещицы, это моя маленькая слабость. Есть грех, дышу неровно к истинно старым предметам, тем, за которыми стоит История, и очень, очень неохотно с ними расстаюсь. Иногда Геля, знающая об этой моей маленькой слабости, говорит, что меня, наверное, покусал лепреккон, но это, конечно же, не так.

И скажу честно – если бы не та скользкая ситуация, которая сейчас вокруг меня сложилась, фиг бы я этот перстень пустил в оборот. Да, он изначально для разменных целей и добывался, но делал я это не в рамках заказа или договора, так что предъявить мне никто ничего бы не смог. И лег бы он в мой тайник, к почти полусотне вот таких же вещей с интересной судьбой и почтенным возрастом.

– Звал? – В кабинет неслышно вошел Модест Михайлович.

– Точнее – просил почтить меня вашим присутствием, – повернулся к нему я. – И очень рад, что вы откликнулись на мое приглашение.

– Ну да, ну да, – отозвался вурдалак и уселся в гостевое кресло. – Итак?

– Да просто хотел пообщаться о том и сем. – Я глянул на луну, которая потихоньку начинала терять свой яркий блеск. На дворе не май и не июнь, но ночи все еще по-летнему коротки, еще пара часов – и темноту сменят предутренние сумерки. – Душой отдохнуть.

– Сомневаюсь, – усмехнулся мой гость. – Я чувствую

недавнюю смерть. Ты не убивал, но стоял рядом с умирающим. Да, ты крепкий душой мужчина, подобным тебя не удивить и не испугать, но все равно после такого к общению людей обычно не тянет. Так что не криви душой, не надо. Просто спрашивай, что хотел.

– Перстень, – я показал вурдалаку украшение, которое так и держал в руке, – не глянете на него в лучах лунного света?

Когда я говорил Анвару о том, что сам проверить аутентичность переданного мне гонорара не смогу, то ни словом не соврал, я на самом деле этого сделать не смогу. Для того чтобы увидеть его скрытую суть, надо быть тем, кто достаточно глубоко проник в сокровенные тайны бытия. Причем не просто проник, но и многое из них постиг. Та же Василиса, например, в этом вопросе от меня ничем отличаться не будет, поскольку зелена еще, а вот ее хозяйка Марфа увидит все, что надо.

Ну или надо быть нежитью, у которой с этим никаких проблем нет, опция видеть скрытое им выдается с базовой комплектацией. Нелюдям – нет, а им – да. Хотя, ради правды, матерый водяник или, к примеру, любая из вещей птиц тоже смогут разглядеть в камне недоступное остальным знание.

– Забавная вещица. – Вурдалак подошел ко мне, взял перстень и подставил его под льющий в окно лунный свет. – С секретиком. Я такую уже как-то видел.

– Да? – мигом заинтересовался я. – Если не секрет – когда и где?

– Давно, – склонил голову к плечу Модест Михайлович. – Век с лишним назад, на Парижской выставке. Похожий перстенок носил один итальянец из наших. Как бишь его? Пьетро... Паоло... Не помню. Мы с ним и еще одним господином из Англии неплохо тогда провели пару вечеров в одном кабачке на бульваре Осман, а после, ночью, еще и на улице славно перекусили. Этот бульвар, мой юный друг, тогда славился своими доступными девицами на любой вкус и кошелек. Ах, какой невероятно вкусной была их кровь, сколько терпкости в нее добавлял абсент, который тогда во Франции везде лился рекой! Сейчас такой не сыщешь, сколько ни старайся. Да и вообще нынче в Париже отыскать чистокровную француженку задача не из легких. Н-да... Так вот – камень в его перстне стал прозрачным, когда на него упали лунные лучи, как и вот этот. И там тоже проступил некий рисунок. Не тот, что у тебя, другой.

– А что вы непосредственно сейчас видите?

– Да вот. – Вурдалак взял со стола карандаш, квадратик бумаги и начертил некий символ, состоящих из прямых линий, скрещивающихся друг с другом, и полукруга над ними. – Полагаю, это какой-то символ или магический знак из старых, но мне он неизвестен.

– Как и мне, – признался я. – Но все знать и невозможно.

– Бесспорно. – Модест Михайлович вернул мне перстень. – Потому я бы посоветовал тебе его не носить. Я подобными материями никогда и не интересовался, но точно

знаю то, что не стоит баловаться с вещами, смысла которых не понимаешь.

– Снова соглашусь, – кивнул я, убрал украшение обратно в коробочку, положил ее в сейф, а после спросил: – Скажите, Модест Михайлович, а вам имя Куль-Отыр ничего не говорит?

Глава 2

– Максим, у меня нет повода не верить вашим словам, – немного чопорно произнес Разин. – Тем более мне прекрасно известно, насколько трепетно вы относитесь к собственной репутации, что делает вам особую честь. В наше время подобная деловая щепетильность большая редкость, знаете ли.

– С радостью отвечу тем же, – приложил руку к сердцу я. – По роду деятельности мне приходится сталкиваться с разными людьми, но более достойного контрагента, чем вы, среди них еще поискать нужно.

Кстати, я ни словом не соврал. Вениамин Ильич Разин, в гостях у которого я в данный момент находился, на самом деле являлся одним из моих лучших клиентов. И одним из самых давних, поскольку познакомил меня с ним еще мой наставник. Сам Мирослав, правды ради, заказы от него не принимал, поскольку считал поиски редкостей пустыми хлопотами, но он со своими связями и влиянием мог отмахиваться от многих поступающих предложений, я же себе пока подобную роскошь позволить не могу.

Разин – коллекционер. Но не тот, который собирает, к примеру, картины, созданные во фламандской манере, или античные монеты, нет. Коллекция Разина формируется из редкостей, скажем так, мистического толка, то есть та-

ких, которые на обычном аукционе или в типовой антикварной лавке не купишь. Нет, случаются иногда забавные ситуации, когда люди сами не знают, чего продают, но это, скорее, случайности, чем закономерности. К тому же и оценщики не всегда в полной мере осознают, что именно им принесли, оценивая предложенные вещи как обыкновенные украшения или предметы быта.

Но такое, повторяюсь, случается крайне редко, не в последнюю очередь от того, что не так и много по-настоящему серьезных артефактов в свободном обороте находится. Это в сериалах, снятых в жанре «городское фэнтези» их бог весть сколько по рукам ходит, аж целые хранилища под них приходится выстраивать. А на деле все не так. Многие вещи, которые коллекционеры между собой называют «предметами силы», просто не дошли до наших дней, потому что были уничтожены или утрачены навсегда по тем или иным причинам. Возьмем, например, золотые пластины, на которых изображен древнеегипетский символ «Уаджет», он же око бога Гора. Всего их было четыре штуки, и находились они во владении могущественных жриц, служивших богиням Уаджит, Мут, Баст и Хатхор, коих сильно уважали во всем том же Древнем Египте. Если верить преданиям, то время от времени четыре жрицы собирались вместе в храме уже тогда заброшенного, а сейчас и вовсе затерянного города и проводили там некий ритуал, после чего получали возможность побеседовать с небожителями. Пластины же выполняли роль

ключа, который открывал дверь из нашей реальности в другую. И если верить источникам, то данную манипуляцию можно повторить даже сейчас, при условии, что будут найдены наследницы жриц по крови, тот самый город, тот самый храм и четыре пластины со знаком ока Гора.

Чушь? Да нет. На самом деле только вопрос времени и денег, я видел, как люди замораживались куда более кручеными проектами, а в некоторых даже сам участвовал. И тут все разрешимо, кроме одной детали – одну из четырех пластин добыть положительно невозможно, поскольку она находится на дне Атлантического океана, где-то среди обломков «Титаника». Одним из пассажиров злосчастного рейса являлся некто лорд Кентервиль, который вез на выставку в Нью-Йорк саркофаг с мумией трехтысячелетней давности, а если конкретнее – жрицы, на груди которой, собственно, и покоился данный артефакт. В результате судно ушло под воду вместе с кораблем, лордом, большей частью команды, оркестром, рукописью Омара Хайяма и всем остальным, в том числе и заветной пластиной.

Время от времени я читаю в сети сообщения о том, что какие-то авантюрно настроенные граждане пытаются добраться до останков «Титаника», и всякий раз думаю о том, что зря они это затеяли. Океан никогда не отдает свою добычу, особенно если та сама не рвется обратно к людям, зато он может забрать жизни тех, кто нарушил его покой. А может, и не он, а кто-то другой. Или что-то другое.

Я к чему? Вот, пожалуйста – артефакт известный, описанный в документах, не секрет, где он находится, а толку с того?

И таких потухших искорок в мировой истории тысячи. Амулеты и перстни, фолианты и свитки, клинки всех размеров и видов, от кинжалов до фламбергов, десятками исчезали с лица Земли, причем делали они это когда со своими владельцами, а когда сами по себе. Артефакты плавись на кострах инквизиции и в домах, подожжённых истово верующими горожанами, горели синим пламенем на аутодафе, их разбивали на наковальнях освященными по обряду молотами или они просто становились добычей разбойников, которые закапывали их в землю неведь где и неведь когда. Впрочем, в последнем случае какие-то шансы на то, что давно сгинувшая вещичка вдруг мелькнет на коллекционерском небосводе, остаются, но не сильно великие. Старый клад, в котором лежит серьезный артефакт, вот так запросто не выкопаешь, тут нужен знающий профильный специалист.

Но кое-какие предметы силы до наших дней все же добрались, и, как полагается, появились и те, кто эти осколки истории собирает, плюнув на то, что это, признаться, достаточно опасные игры. Никогда не знаешь, что в твой дом принесет вещь с историей и как тебе это аукнется после того, как ты станешь ее владельцем. Может, ничего не случится, а может, и прилетит какая нежданочка в виде проклятия или призрака, который повадится таскаться по твоему дому ночной по-

рой, портя имущество и пугая обслуживающий персонал.

Впрочем, коллекционеров, таких как Разин, подобные нюансы абсолютно не смущают, ибо страсть к обладанию все новыми и новыми экземплярами в нем сильнее, чем инстинкт самосохранения. Собиратели все такие, и вот тут уже не столь важно, что именно они коллекционируют – бабочек, спичечные коробки, марки или реликвии вроде перстней давным-давно умершего царя.

Впрочем, последних не так и много. В Москве, не считая Разина, я знаю троих. Есть еще два в Петербурге, один в Смоленске и парочка в Минске. Больно затратное хобби, абы кто его не потянет. Упомянутые ранее фламандцы и то дешевле обойдутся, даром что они предметы музейного уровня.

– И все-таки, – сказал я, перед тем отпив глоток кофе из фарфоровой чашечки, – нынче ночью я проверил данный предмет. Вернее, это сделало мое доверенное лицо, но я при этом лично присутствовал. Все как положено – мерцает в лунном свете, внутри присутствует вот такой знак.

Разин взял листочек бумаги, на котором Модест Михайлович накануне изобразил увиденное им.

– Месопотамия, без сомнений, – сообщил он мне, только глянув на него. – Почти наверняка какой-то символ, связанный с Иштар. Вот все же как неисповедимы пути судьбы, Максим. Какой путь прошел этот камень, сколько всего он видел!

– Перстень, – поправил его я.

– Нет-нет, ты все услышал верно, – рассмеялся Разин, вертя в пальцах предмет, о котором между нами шла беседа. – Оправа – всего лишь серебро, главная ценность в камнях, именно их и собирал Антиох Первый. А то, что вокруг них, так, обрамление.

Коллекционер нагнулся к столику и поставил на него украшение камнем вверх, придерживая его при этом пальцами.

– Вот, – он глянул на меня, – а после еще семьдесят пять перстней, один за другим, по кругу. И один, главный, в центре. Понимаешь, о чем идет речь?

– Догадываюсь, – ответил я. – Да и читал кое-что по данному вопросу.

Интересно, а сколько перстней у тебя уже в копилке лежит? Пять? Десять? Больше? И есть ли там тот главный, о котором он упомянул? Да и вообще я бы не отказался глянуть на коллекцию Разина в целом, уверен, там присутствуют очень и очень интересные экземпляры.

Не исключено, кстати, что он до тайных свойств некоторых из них даже докопался. Ему ведь семьдесят с гаком, причем хорошим таким, а больше полтинника на глазок и не дашь. Хотя тоже, конечно, не факт. В наше время, когда медицина и пластическая хирургия на коне, при наличии денег можно себе запросто лишние двадцать-тридцать лет выторговать. Да диеты, да здоровый образ жизни...

Но все же мне думается – не так все просто. Рассказывали

мне, что Разин водит дружбу с кое-кем из московских колдунов, может, те ему и пособили с особо интересными экземплярами из его собрания редкостей.

А еще мне всегда было очень интересно узнать, как он вообще начал собирать свою коллекцию, что послужило началом такого любопытного хобби. Никто не говорит, что обитатели теней и сумерек прямо вот прячутся от людей, делая тайну из своего существования. Нет, домовые, лешие, арыси – тут да. Таковы традиции, а их в Ночи чтут. Но вурдалаки и ведьмы плевать на секретность хотели, давно поняв одну простую вещь – в них никто не верит. Кино и телевидение в какой-то миг сделало всю эту публику частью современной культуры, превратив в мемы, комиксы, франшизы и так далее. Кто поверит в реалистичность комикса? Да ну, несерьезно.

Но он-то поверил. Более того, довольно быстро оброс связями и знакомствами, приобрел крепкую репутацию, стал вхожим в те круги, где обычных людей не очень-то принимают. Вот как? Ладно я, у меня был наставник, но у него-то нет.

Да и деньгам, несмотря на всю их силу, многое недоступно. Бесспорно, они решают огромное количество проблем и вопросов, но не настолько же?

– Максим, может, все же деньги? – мягко поинтересовался Разин, прямо в тон моим мыслям. – Как насчет твоего двойного гонорара? Это хорошее предложение.

Чистая правда, предложение достойное. Но я бы от него

отказался, даже не свались на мою голову вчера мешок проблем, поскольку у меня уже имелись планы на то, что я получу в оплату за перстень. Ну а теперь и вовсе думать не о чем.

– Нет, – качнул головой я. – Предпочту забрать то, о чем мы с вами договаривались ранее.

– Ждал чего-то подобного. – Разин встал с кресла. – Но решил все же попробовать – а вдруг?

– Бывают в жизни случаи, когда нет-нет – и да, – улыбнулся я. – Сам тому свидетель. Но сегодня не тот день.

Коллекционер отсутствовал минут пять, а когда он вернулся, то в руках держал вытянутый футляр, обтянутый красной кожей.

– Как обещано, – протянул его мне он. – Венец берегини Ладимиры, вернее то, что от него осталось. В подлинности можешь не сомневаться, за нее ручаюсь.

– И в мыслях не имел, – укоризненно глянул на хозяина дома я. – Как вы могли подумать?

Щелкнув замочком, я распахнул футляр и увидел скрученный чуть ли не в пружинное состояние серебряный ободок, инкрустированный мелкими тусклыми камушками.

– Похоже, представители славянского пантеона по сути своей являлись минималистами, – сообщил мне Разин, снова усаживаясь в кресло и закидывая ногу на ногу. – Сколько ни видел предметов, дошедших до нас из тех времен, могу отметить одно – все они довольно неказисты. Да и тонкостью работы похвастаться не могут.

– Соглашусь. – Я закрыл футляр, убрал его в сумку, встал и протянул Разину руку. – Заказ выполнен?

– Выполнен. – Не вставая, он ответил на рукопожатие. – Заказ оплачен по чести?

– По чести, – подтвердил я. – Как всегда, было приятно иметь с вами дело.

– Взаимно, – кивнул коллекционер. – Еще кофе?

– Да нет, пойду, – отказался я. – Хотя... Можно вам задать вопрос как знатоку языческой тематики? Может, подскажите чего?

– Изволь, – согласился Разин.

– Существовал в свое время на Урале и районах, относящихся к Северу, некий языческий бог по имени Куль-Отыр. – Я снова присел. – В основном ему поклонялись манси, да и то далеко не все, поскольку бог этот относился к числу не самых добрых и светлых. Сейчас служение ему называли бы вообще культом, если не хуже. Так я о чем – вы ничего про него не слышали? Может, с какими реликвиями сталкивались или книгами, ему посвященными?

В принципе за ночь я накопал немало материала про этого Куль-Отыра. Нет, Модест Михайлович про него ничего и никогда не слышал, что, собственно, совершенно неудивительно, но зато интернет знает все. Вернее – все в первом приближении.

Из сети я узнал, что Куль-Отыр представлял собой исключение из небольшого, в общем-то, пантеона мансийских

божеств. Дело в том, что почти все тамошние небожители являлись сущностями суровыми, но при этом справедливыми и даже где-то добродушными. Если человек работающий, если зла другим не делает, зря зверя не бьет, не забывает в нужное время жертвы и дары приносить, то он всегда найдет понимание как у Нуми-Торума, который являлся главным божеством и сидел где-то наверху, за облаками, так и у богов рангом поменьше вроде повелителя вод Вит Хона или девы огня Найэквы, охраняющей дом от напастей.

А вот недобрых богов у них было всего два. Первый как раз Куль-Отыр, представляющий собой зло в чистом виде. Если в мансийских сказках и легендах что плохое случилось, то виноват был непременно он. Его винули в насылании болезней, в том, что он сбивал с пути души добрых охотников после их смерти, и те становились злобными духами, которых манси называют менквами, в том, что именно его жаркое дыхание порождает тучи мошек, нещадно достающих летом людей и животных... Короче – тот еще изверг, за что ему было присвоено почетное второе имя – Тэрн-Хуль, что переводится как «владыка болезней».

Но при этом Куль-Отыр относился к высшей категории богов, потому что приходился родным братом Нуми-Торуму, с которым некогда делил высокий небесный престол. Но потом он показал свой скверный характер, за что и был низвергнут сначала на Землю, а после и под нее. Само собой, добрый Нуми-Торум по этому поводу очень печалился,

но при этом никаких мыслей по поводу того, чтобы проверить душевное состояние поверженного братца на предмет «не исправился ли, впоследствии не высказывал, предпочитая править в одиночку. Впрочем, Куль-Отыр после случившегося добрее, естественно, не стал, а напротив, начал максимально усложнять жизнь любимым творениям светлого братца, то есть людям. Со временем к этим делам присоединилась и его дочка, которую звали Хуль отыр аги, обожавшая ломать людские судьбы и души, обращая их к злу. Кстати, так и не нашел указание на то, кто ей приходился мамой, а жаль, такие мелочи иногда очень полезными оказываются. Не нашел я ничего и о красной луне, не упоминалась она ни в одной из найденных и прочитанных легенд.

Уже под утро подытоживая собранный материал, я понял одно – те, кто поклоняется этому богу, точно не самые добрые, светлые и законопослушные люди, потому горячего с ними я хлебну по полной. А с учетом того, что общение наше будет происходить на их территории, то перспектива вырисовывает далеко не самая веселая. Впору в какое-нибудь охранное агентство идти, пяток крепких ребят нанять для поездки на Урал, потому что одному туда отправляться – это самоубийство чистой воды. Компания из пяти наемников, конечно, тоже гарантии успешного завершения дела не даст, но тут хоть какой-то шанс появится.

– Про такого не слышал, – подумав, ответил коллекционер. – Нет, у меня есть кое-какие вещички и с Урала, и из Си-

бири, но в целом с тамошним количеством племен, у каждого из которых есть свои личные боги и божки, всех их знать невозможно.

– Резонно, – согласился я.

– А в какой связи ты у меня это спросил? – заинтересовался Разин. – Какой-то новый интересный заказ? Ну, если не секрет?

– Скорее, здоровое любопытство, – ушел от прямого ответа я. – Подвернулась тут любопытная темка, решил ее сразу отработать, есть у меня такая привычка. Мало ли что, когда понадобится? Кстати! Вот вам сразу пример, демонстрирующий правильность моих принципов. Не так давно в одной беседе проскочила информация о перстне, аналогичном тому, что я вам сегодня передал. Его видели сто с лишним лет назад на Всемирной парижской выставке, владелец вампир-европеец по имени Пьетро или Паоло. Понятно, что новость эту горячий никак не назовешь, она век как остыла, но если покопать эту тему вдумчиво, то можно на следок напасть. Старых вампиров в Европе не то чтобы сильно много, их раньше там хорошо прореживали, причем по старинной привычке абсолютно все документировали. Потому если не у кровососов, так в церковных хрониках что-то об этом Пьетро-Паоло найти можно. А может, и о его имуществе.

– Возьмешься? – явно заинтересовался услышанным Вениамин Ильич. – По гонорару договоримся, транспортные и командировочные расходы, разумеется, с меня. Как и пре-

миальные.

– В другой ситуации не отказался бы, – признался я вполне искренне. – И дело несложное, и море в Италии сейчас теплое. Но у меня уже есть несколько действующих заказов, не хочу рваться между кучей дел на части. Так что считайте рассказанное бонусом к полученному от меня перстню. Но при этом, учитывая мое уважение к вам, готов взяться за эту работу сразу же после того, как более-менее разгребуть, если, конечно, до того вы не отдадите ее кому-то другому.

– Как говорил твой наставник: «Хватаясь за все сразу, ты не получишь ничего», – одобрительно кивнул коллекционер. – Думаю, если этот перстень век ждал именно меня, то за пару месяцев он никуда не денется.

На том мы с ним и распрощались. Сев в машину, я сразу же достал смартфон, отыскал в нем нужный контакт и отправил ему сообщение: «Надо поговорить по видеосвязи. Интерес взаимный и срочный».

Яромила, глава общины «Ладные ключи», очень не любит, когда ей прилюдно звонят представители противоположного пола. Нет-нет, никаких феминистических штук, ворожеи вообще от всех новомодных веяний крайне далеки, просто они нашего брата с начала времен не особо жалуют, так уж у них повелось. Мужчин оные особы воспринимают как некую неизбежную неприятность, с которой надо как-то мириться, раз уж от нее невозможно полностью абстраги-

роваться – вроде снега или дождя. Идет и идет, на все воля небес.

Потому я всегда Яромиле сначала пишу, а уж потом мы созваниваемся. Не хочу компрометировать, мало ли где она находится и чем занимается в данный момент? Просто характер у этой дамы и так не сахар, а если ее еще дополнительно разозлить, то она, чего доброго, может пересмотреть некоторые условия нашего сотрудничества, те, что касаются получаемых мной гонораров. А не хотелось бы. Да, ворожеи не самые приятные в общении особы, но в ряде вопросов, например таких, как изготовление крайне редких, а потому особо ценных зелий, они тому же Троицкому не сто, а двести очков вперед могут дать. У них есть такие рецепты, про которые ни в одной книге, даже самой старой, ни слова не сказано. Возможно, даже в книге Вед они не упоминаются, а это, знаете ли, показатель.

Плюс ко всему контакты с ворожеями это одна из моих собственных наработок, не перешедших по наследству от Мирослава, что немного поднимает личную самооценку. Нет-нет, речь не о том, что «всю жизнь нахожусь в тени наставника, даже после его смерти» или «А сам я хоть на что-то гожусь?». Ничего подобного. Мирослав являлся поклонником спартанской методы обучения, той, которая укладывается в короткую формулу «Выжил? Молодец», за что я его, признаться, иногда поначалу про себя называл «изувером» и «зверюгой». И только после его ухода, снова остав-

шись один на один с миром, я оценил, сколько знаний, умений и полезных связей он мне оставил. А самое главное – его трудами я приобрел первую репутацию, ту, с которой можно было хоть как-то двигаться дальше, не опасаясь быть посланным всеми и везде.

Что до ворожей – это не я к ним в друзья набивался, это они сами меня нашли. В том году Яромила лично позвонила, сказала, что контакты мои добыла у одной нашей общей знакомой, и спросила, не окажу ли я ей некую помощь за безналичный расчет. Я сразу перечислил ей те услуги, которые не оказываю ни за какие гонорары, а после подтвердил, что все остальное запросто может быть реализовано. Ее пожелание оказалось достаточно незамысловатым, мне следовало найти паренька, натворившего дел в их общине, а после свалившего из нее в Москву. Да-да, среди ворожей встречаются особи и мужского пола. Не одних же девочек они рожают, мальчики тоже нет-нет и встречаются. Вот только социальное положение у них в общине такое, что лишь и остается по достижении совершеннолетия сразу оттуда пятки салом смазывать, напоследок что-нибудь подпалив, дабы оставить долгую добрую память о себе.

Я взялся за это несложное дело и почти отыскал беглеца, но тут Яромила снова со мной связалась и отменила заказ, причем ничего не объясняя, но при этом полностью расплатившись, так, собственно, и завязались наши деловые отношения. Время от времени я получаю от ее общины неболь-

шие поручения, платой за которые в последнее время выступают уже не деньги, а зелья из числа тех, которые долго можно искать, да фиг найдешь, причем непременно с длительным сроком хранения. Какие-то сразу обретают своего конечного потребителя в обмен на услуги или банально деньги, какие-то хранятся в тайнике, ожидая своего часа.

И венец, полученный от Разина, я тоже хотел превратить в зелье, очень действенное и очень редкое, причем в каком-то смысле уже обретшее владельца. Правда теперь, увы, этот человек не получит лекарство, которое ему так нужно, а я, в свою очередь, упускаю выгоду, которую от данной операции мог бы поиметь. Накрылся участок земли, расположенный в одном не очень близком от Москвы, но крайне интересном со всех точек зрения месте. А ведь был уже почти в кармане!

Собственно, ради него и затевалась вся эта многоходовка. Увы и ах, не все и не всегда можно купить за деньги, потому иногда вот так сложносочиненно мудрить приходится.

Пискнул смартфон, на экране высветилось короткое: «Через двадцать минут. Скайп». Совсем замечательно, не придется полдня ждать, как это однажды уже случилось. Не думаю, что Яромила тогда специально решила меня помариновать, но факт остается фактом – она не могла найти пять минут для разговора с полудня до позднего вечера. Впрочем, я не сидел у телефона и не ждал ее звонка со словами «Ну, когда же, когда», потому, когда мы все же связались, я был

уже изрядно поддатый, а беседовать нам мешал шум ночного клуба.

Я ценю тех, кому оказываю услуги, и всегда иду навстречу их пожеланиям, но это не означает, что Яромиле разрешено садиться мне на шею и свешивать с нее свои ноги. Я не настолько клиентоориентирован.

Собственно, это касается не только Яромилы, но и вообще кого бы то ни было. Деньги деньгами, бизнес бизнесом, а самолюбие на пару с самоуважением терять никогда нельзя. Как, впрочем, не стоит кидаться и в другую крайность, впадая в гордыню и занимаясь самодурством. Последнее не я придумал, это слова Мирослава, собственно, с них он когда-то и начал мое обучение. Ну, почти с них.

За двадцать оставшихся минут я успел доехать из коттеджного поселка, где обитал Разин, до небольшого, но уютного придорожного кафе, занять столик в самом углу и даже заказать себе отбивную с жареной картошкой.

– Здравствуй, Максим. – Яромила, лицо которой появилось на экране, одарила меня скупой улыбкой, традиционно выдавленной из себя при общении со мной исключительно ради того, чтобы отдать дань вежливости. Хотя, может, я на нее и наговариваю, может, она всем остальным улыбается без остановки и от всего сердца, просто непосредственно я ей не нравлюсь невероятно, вот и все.

– Добрый день. Рад вас видеть.

– Да-да, – холодно-вато отозвалась ворожея. – Что за «ин-

терес взаимный и срочный»? Что такого у тебя случилось?

— Появилась у меня одна вещичка, которая может быть вам интересна, — ответил я, доставая из сумки отданный мне Разиным футляр. — Я бы сказал — крайне.

— Даже любопытно стало, — сообщила мне Яромила. — Хорошо, удиви меня, наемник.

Она единственная, кто меня так называет в глаза. Ничего постыдного в этом слове нет, но остальные клиенты его все же избегают, хотя, возможно, тоже употребляют его за моей спиной. Яромила же никогда не сентиментальничает, называя вещи своими именами.

— Извольте. — Я раскрыл футляр, продемонстрировал во-рожее его содержимое со всех ракурсов, выждал с полминуты и осведомился: — Ну что? Удивил?

— Через экран не видно, какой оттенок у камней, — чуть подсевшим голосом ответила та. — Не подскажешь?

— На свету они отдают в синеву, проверено мной лично, — моментально проинформировал ее я. — Цвет берегини Ладимиры.

Дело в том, что каждая из берегинь обладала, если можно так выразиться, своей цветовой гаммой, которая находила отражение в их одеждах, а также аксессуарах вроде венца, оберегов, которые они раздавали своим приближенным, и так далее. Ладимира, которой некогда служила праматерь Яромилы, предпочитала цвет небесной лазури.

— Сохранность так себе, конечно, — я снова повертел фу-

тляр у экрана, – но ведь вам этот венец самой и не носить, верно? Тут важен факт обладания.

– Проси, – быстро справившись с эмоциями, бесстрастно произнесла Яромила. – Что ты хочешь за эту вещь?

Я было собрался выдержать паузу, а потом произнести заранее приготовленную фразу, но тут на редкость вовремя подал голос смартфон, извещая меня о том, что со мной хочет поговорить некто, чей номер скрыт.

– Буквально секундочку, – извинился я, положил футляр так, чтобы его содержимое было отлично видно собеседнице, и ответил на вызов.

– Добрый день, Максим, – услышал я в трубке голос Шлюндта. – Аркадий передал мне ваши слова, и я счел разумным не играть в испорченный телефон, а позвонить лично. Алло, вы здесь?

– Да-да, – я бросил взгляд на Яромилу, которая, не отрываясь смотрела на венец своей госпожи, давным-давно ушедшей за окаем бытия, – просто немного удивлен. Но и обрадован, потому что к старой информации добавилось некоторое количество новой, которую нам вместе неплохо было бы обсудить. Все стало немного сложнее, чем раньше. Да кого я обманываю, даже не немного. Но если можно, то не сейчас, а чуть позднее, поскольку я сейчас общаюсь с другим клиентом. Как насчет минут через двадцать пять – тридцать?

По идее за это время я и с ворожеей обо всем договорюсь, и поесть успею, вон девушка мне как раз заказ несет. А чай

попить и в процессе беседы можно.

– Разумно, резонно, перезвоню, – телеграфно изрек Шлюндт, после чего разговор прервался.

– Да ты, смотрю, прямо нарасхват, – заметила Яромила. – Так, глядишь, через годик мне придется в очереди стоять, чтобы к тебе на прием попасть.

– Вы всегда будете в той очереди, которая проходит без очереди, – улыбнулся я. – Обещаю. Спасибо!

Последняя реплика относилась не к собеседнице, а к официантке, которая поставила передо мной тарелку с изрядным куском жареной свинины в панировке с немаленькой грудой картофеля и плоску с овощным салатом.

– Итак – цена? – требовательно спросила Яромила, неодобрительно глянув на мой заказ. – Что ты хочешь от нас получить?

– Поддержку и поручительство, – ответил я. – Ваше личное поручительство за меня. Ну и еще кое-что по мелочам.

– Чего? – опешила ворожея. – Поясни.

– С радостью, но делать это лучше в очной форме, очень уж скользкая тема, уважаемая Яромила. Она не для обсуждения по скайпу. Так что, если вы не против, я бы подскочил к вам на экоферму, да мы там все и проговорили бы. Нет-нет, я знаю правила и не претендую на чаепитие в вашем доме, но можно пообщаться в той зоне, которая рассчитана на посещение туристов. Или вообще, как американские старшекласники просто посидим в моей машине. Можно даже

без музыки и поцелуев.

Община Яромила своим прикрытием сделала экоферму под названием «Ладные ключи», прибав тем самым сразу несколько зайцев. Тут тебе и достаточно прибыльный бизнес, и господдержка, оказываемая организациями, ратующим за здоровый образ жизни, и возвращение к исконным славянским корням, и постоянный приток мужчин, которые следят за своим здоровьем. Ну да, они, сами о том не ведая, становились отцами нового поколения ворожей. Почему не ведая? Потому что чашка чая на ночь, выпитая в гостинице экофермы, превращала для них вполне себе реальный жаркий секс с одной из юных чаровниц в яркий и красочный сон, что так приятно еще пару дней вспоминать, но в который невозможно поверить. Нет-нет, никаких наркотиков. В чай добавлялись средства абсолютно безвредные, но крайне эффективные.

– Негодяй, – как мне показалось, немного одобрительно изрекла Яромила. – Ладно, будь по-твоему. Приезжай.

– Хорошо. – Я захлопнул футляр и убрал его в сумку. – Сейчас перекушу, после в офис заскочу на минуту – и к вам. Часа через три буду.

– Жду, – чуть помрачнела Яромила, понявшая, для чего именно я заскочу в офис. – И еще... Не ел бы ты это все, Максим. Ведь гробишь же ты себя такой пищей!

– Знаю, – вздохнул я, берясь за вилку и нож, – но без нее я ноги таскать перестану. При моем образе жизни на одних

овоцах да творожках, увы, не выжить. Все, до встречи!

И я захлопнул крышку нетбука.

Глава 3

Шлюндт перезвонил мне тогда, когда я уже добрался до офиса, чем очень порадовал. Просто не люблю разговаривать с клиентами, когда нахожусь за рулем, и не потому, что прямо образцово-показательный водитель, а поскольку считаю, что беседы, в которых речь идет о серьезных вещах, требуют к себе уважительного отношения. Не проявишь его и непременно упустишь какую-то вроде бы незначительную деталь, а из-за нее потом все и пойдет кувырком. Разумеется, у меня не всегда получается следовать этому правилу, но, если такая возможность есть, я ей никогда не пренебрегаю.

– Максим, я вас слушаю, – деловито произнес мой наниматель. – Рассказывайте с самого начала, подробно и обстоятельно. Просто из того сумбура, который вывалил на меня Аркадий, я почти ничего не понял, кроме одного важного обстоятельства – на ту вещицу, ради поиска которой вы были наняты, нашлись другие охотники. Нет, когда мы с вами очно общались в прошлый раз, я предположил, что подобное случится, но тут уж, похоже, какие-то совсем необычные искатели сокровищ объявились. Настолько, что я нашему юному другу даже сначала не поверил.

– Да если бы только необычные, это можно было бы перетерпеть. Увы, но есть и те, которых можно назвать весьма удачливыми, – отметил я, не собираясь скрывать от заказчи-

ка то обстоятельство, что желтой майкой лидера мне обзавестись пока не удалось. – Обошёл кое-кто меня на повороте, Карл Августович, вот такая штука!

– А это совсем скверно, – недовольно заметил старичок. – Итак?

Как и в прошлый раз, слушал он меня просто замечательно, не подгоняя и не перебивая, правда, время от времени то цокал языком, то тихонько произносил что-то вроде «эх-эх», причем в последнем случае я не очень понимал – то ли он мои действия оценивает не лучшим образом, то ли всю ситуацию в целом.

– Должен заметить, что события разворачиваются в весьма и весьма необычном ключе, – подытожил Шлюнт, дослушав мой рассказ до конца. – Сразу отмечу один момент – к тебе, Максим, у меня никаких претензий нет. Ты действовал сообразно обстоятельствам и делал все, что от тебя зависит. Что немного опоздал – не твоя вина. Но, даже опоздав, ты все равно находишься на пару шагов впереди большинства конкурентов, что само по себе здорово.

– Так-то оно так, только здорового в сложившейся ситуации ничего нет, – хмуро заметил я. – Слеза столицу покинула, ловить ее теперь станет куда сложнее. Плюс есть куча других моментов, которые меня крайне смущают. Например – время. Я понятия не имею, сколько у меня его осталось. Неделя? Две? Месяц? У меня не вызывает сомнения тот факт, что гости с Урала собираются использовать нуж-

ный нам артефакт для какого-то своего ритуала. Но какого именно? Когда они его станут проводить? Где?

– Ты сам ответил на свой вопрос, – отозвался Шлюндт, причем в голосе его мне послышалась хорошо скрытая ирония, – Уфалейский хребет.

– Хребет этот занимает площадь протяженностью в сотню с лишним километров, – усмехнулся я. – Входов-выходов в пещеры там наверняка видимо-невидимо, да рудники, да старые выработки... В тех краях бродить можно годами что поверху, что под землей, вот только толку от того будет чуть. Если только повезет, но я, как правило, на удачу не слишком рассчитываю.

– Мне кажется или ты сейчас пытаешься жаловаться на возникшие сложности? – осведомился наниматель.

– Ни в коем разе, – возразил ему я. – Не имею такой привычки. Но не уведомить вас о том, что в процессе выполнения заказа возникли объективные трудности, не могу. В связи с этим и сроки увеличатся, и результат, увы, может оказаться не тем, который предполагался.

– Последние слова мне не очень по нраву, – заметил Карл Августович. – Откуда этот пессимизм?

– Напротив, реально смотрю на вещи. Может, поклонники Куль-Отыра возьмут и раздолбают слезу кузнечными молотами под светом красной луны еще до того, как я до них доберусь. Или, к примеру, утопят ее в каком-нибудь глубоководном подземном озере, из которого по одному из преда-

ний их бог некогда родился. Я знаю, под горами такие встречаются. И ищи ее потом там, в вековой тьме.

– Последнее вряд ли. За водную стихию – что озеро, что реку – у манси отвечал Вит Хон, он же водный царь, божество вздорное, но вполне дружелюбное. Кстати, если там, на Урале, доведется сплавляться по реке, не забудь в начале путешествия кинуть в воду монетку и сказать, что это плата за твоё вторжение в его владения. Этот поступок может добавить тебе немного той самой удачи, в которую ты не веришь. Что же до остального... Я не подскажу тебе, где именно будет проходить ритуал призыва давно ушедшего бога. Более того, я вообще не очень верю, что он увенчается успехом, хотя бы даже по той причине, что богам, даже таким, как Куль-Отыр, есть какое-то дело до мира, который они давным-давно оставили. Будь подобное возможно, то небеса бы рухнули на землю от переизбытка сущностей, в которых когда-то верили люди. Одни представители греческо-римской мифологии чего стоят, там богов и героев, посмертно вознесённых на Олимп, имелось столько, что их перечислять замучаешься.

– Но? – поняв, что Шлюндт применил столь любимый им прием «небольшая пауза», поторопил я его. – Ведь оно же есть, это но?

– Конечно есть. – По тону было слышно, что старичок улыбается, возможно, весьма ехидно. – Я знаю, что означает словосочетание «красная луна». Речь идет об уходе Куль-

Отыра из нашего мира, который случился семьсот семьдесят семь лет назад.

– Вот прямо так ровно? – уточнил я, стараясь, чтобы собеседник не уловил смешливости, на которую меня после этой фразы пробило. – Год в год?

– По нашему календарю – да, – бесстрастно подтвердил Шлюндт. – Просто манси жили по своему летоисчислению, не григорианскому. Да и не только они. Ради правды – так же поступало огромное количество народностей по всему миру, среди которых имелись и твои пращуры. Что же до цифры семь, то она для манси священна, потому как обозначала бесконечность. У них, собственно, вся система счета в старые времена была другая, не похожая ни на какую другую, причем основой ее являлась семерка. Знаешь, как манси наше число сто называли?

– Как?

– Вали яныг сат, что в переводе означает «большая семь». Так вот – семьсот семьдесят семь лет назад, в последнюю ночь августа, который на языке манси назывался сукур нхуп, над Уфалейским хребтом взошла полная луна, ставшая свидетелем того, как Нуми-Торум уничтожил Куль-Отыра за творимые им злодеяния. Отдельно замечу, что добрый и светлый бог перед тем обманом выманил своего родственника из безопасного для того нижнего мира. И окрасилась луна в цвет крови, потому что брат убил брата, что по всем законам – и небесным, и земным – неприемлемо.

У манси вообще родственные связи крайне крепки, а семья для них – основа основ и центр мироздания. Да и ложь у этого народа не приветствуется, особенно между близкими людьми. И было после той ночи видение одному сильно могучему шаману, из которого тот узнал, что спустя много зим три священных числа вновь встанут одно за другим, луна снова окрасится в цвет крови, после чего откроются двери бесконечности и павший от руки брата бог сможет вернуться обратно. Разумеется, при выполнении определенных условий, не без этого. Его должны позвать те, кто не утратил веру, они же должны подсветить ему путь сквозь темноту времени и так далее и тому подобное. Но это уже частности.

– А слеза тут при чем? – осведомился я. – Где Род и где Куль-Отыр? Разные же пантеоны совершенно, никак между собой не связанные. Когда на Руси верили в Рода, Перуна и прочих, то здесь про них никто слыхом не слыхивал. Как и у нас про Куль-Отыра, впрочем.

– Могу только догадываться. Может, сила чужого бога вольется в того, кого хотят вернуть, может, уничтожение подобного предмета высвободит огромное количество энергии... Точного ответа у меня нет. Да и не это главное. Важно то, что ты теперь знаешь, сколько у тебя осталось времени.

В процессе беседы я глянул на лунный календарь для Урала и подумал, что, возможно, заказчик и прав. Все так, тридцать первого августа над хребтом действительно снова взойдет полная луна. Не знаю уж, будет она красной или нет,

но факт есть факт.

Это если мой собеседник прав. А если нет? Впрочем, при-
му его слова как данность, и если он ошибся в сроках, то сам
и будет виноват.

– Спасибо, – поблагодарил я заказчика. – На самом де-
ле вы мне здорово помогли. Когда понимаешь, что в запасе
имеется время, то планы строить куда проще.

– Чем смог, – скромно ответил Шлюнд. – А все осталь-
ное – сам. Впрочем... Нуми-Торум бог земной, ему темнота
претила, потому наверняка битва с братом проходила не в
горных тоннелях, а под ночным небом. Понимаешь, о чем я?

– Некое место, скрытое в горах от обычных людей, – за-
думчиво произнес я. – Заповедное, можно сказать. Камни
ведь обладают долгой жизнью и такой же памятью.

– Верно, они наверняка сохранили воспоминания об ухо-
де Куль-Отыра, – подтвердил Карл Августович. – На них он
упал после удара брата, на них лилась его кровь. Кровь бога.
Где же еще проводить ритуал, как не там?

– И снова благодарю, – сказал я.

– Пустое, – рассмеялся старичок. – Ты бы и сам до этого
додумался, причем довольно быстро. Да и помощь эта весь-
ма и весьма относительная. Хребет на самом деле огромен
по своей протяженности, и спрятанное от всех место может
оказаться где угодно.

– Не скажите, – возразил я. – Теперь у меня есть отпра-
вная точка, что уже здорово. К тому же теперь я знаю, что

время в запасе имеется. До конца августа месяц с небольшим остался, а это немалый срок, за него много чего сделать можно успеть. Думаю, денька через три я буду уже на Урале. На месте, вблизи, все всегда видится по-другому. Глядишь, за какую ниточку и зацеплюсь И, может, даже не за одну. Для начала надо будет с местными этнографами поговорить. Опять же, возможно, какие представители культа Нуми-Торума там до сих пор проживают. А почему нет? Если получится их разговорить, то, глядишь, какие-то новые подробности о вражде братьев-богов узнаю, а то и с привязкой к конкретному месту.

– Денег не жалея, – велел мне Шлюнд, – сколько надо, столько и трать. Если что, Аркаша тебя ими снабдит в нужном количестве. Ах да, забыл сказать – он едет с тобой.

– Карл Августович! – не скрывая неудовольствия, воскликнул я. – Это-то зачем?

– Не обсуждается, – сказал как припечатал антиквар. – Если хочешь, считай, что он от моего лица контролирует процесс выполнения работ, для которых ты был нанят.

– Хорошо, будь по-вашему, – согласился я, понимая, что заказчик явно на попятный не пойдет. – Но за его жизнь и здоровье я никакой ответственности не несу. То есть если его медведь задерет или камнями при обвале засыплет, то претензии не принимаются.

– Максим, я знаю, что Аркаша производит впечатление инфантильного и неуклюжего большого ребенка, но поверь –

это не так. В те моменты, когда ситуация опасно обостряется, он проявляет немалое мужество и неожиданную для всех смекалку, чему я сам был свидетелем. Плюс он у меня очень небалованный юноша, потому каких-то особых условий для себя требовать не станет.

– Не убедили, – проворчал я.

– И еще – случайных людей с собой не бери, – велел Шлюндт. – Самое главное – никаких наемников. Если они взяли деньги от тебя, то могут принять их и еще от кого-то.

– Так под это определение и я сам подхожу. Я же тоже наемник.

– За тобой стоит репутация Мирослава, который никогда не нарушал данного им слова, – возразил антиквар. – Потому ты скорее умрешь, чем ее запятнаешь, несмотря даже на то, что твой наставник давно мертв. Не просто же так тебя в определенных кругах зовут «чистюлей» и даже «праведником». Но кто поручится за то, что, например, ведьмы не предложат нанятым тобой специалистам тройной гонорар? Или десятикратный? Они себе это могут позволить, денег у них хватает. Выдержат нанятые тобой люди такой соблазн? Не уверен. Так что считай, что это прихоть заказчика, которую ты обязан выполнить.

Легко ему говорить. Нет, так он прав, конечно, но только кого мне с собой брать-то? Спину мне кто прикрывать станет? А ведь с нами еще и Аркаша поедет, владелец невероятно термоядерного «везения», от которого пользы нет, только

вред.

– После предложения о десятикратном гонораре даже мои моральные принципы могут ослабеть, – фыркнул я. – Шучу, шучу. Кстати, о ворожеях. Очень вовремя вы мне наводку дали, Карл Августович. Я же почти дозрел до сделки с ними.

– Какой такой сделки? – мигом уточнил Шлюнд. – И вообще – о каких сделках с ворожеями в принципе речь может идти? Эти дамы никогда и ни при каких условиях не играют ни на чьей стороне, кроме своей собственной. Поверь, мой мальчик, лучше уж с ведьмами договориться о сотрудничестве, чем с ними.

– Да тоже так себе вариант, – усомнился я. – А что до сделки – просто до разговора с вами у меня просто выбора особого не было. Время идет, а зацепиться не за что. Ехать на Урал вслепую тоже не вариант. Ворожеи же наверняка про красную луну что-то да знают, не просто же так Беяна ее упомянула. Лучше что-то, чем ничего.

– Свяжешься с ними, будет ничего вместо хоть чего-то, – сказал как отрезал антиквар. – Нет-нет, я их не демонизирую, ворожеи не самые хваткие и не самые опасные противники из тех, что есть на белом свете, но и недооценивать этих дам не стоит. Их сила в вере, если надо, они пойдут и умрут по приказу своей верховной матери. Без раздумий, без сомнений, просто потому, что такова воля старшей. Часто ты такое в своей жизни видел, Максим?

– Случалось пару раз, – поразмыслив, ответил я. – Но там

речь не о вере шла. Скорее, о любви.

– Любовь тоже сила немалая, конечно, причем по разрушительности иногда даже превосходящая веру, – отметил Шлюндт. – Но она скоротечна и эгоистична, что большая разница. Так что мой тебе совет – держись от ворожей подальше. И не верь ни единому их слову, дружок. Как бы красиво их посулы ни звучали, какими бы выгодными они ни казались, знай – ты все равно окажешься либо в убытке, либо в дураках. Ну или оба этих момента совместятся в один. Максим, за ворожеями стоит мудрость веков, которая не только сохранилась в первозданном виде, но еще и приумножилась. Те же ведьмы по дороге растеряли почти все, что имели, живут крохами от былых знаний, а эти – нет, они оберегают свое наследие от мира всеми возможными способами.

Сейчас он был искренен в своих словах, такие интонации не подделаешь. Да и с моими собственными выводами его слова сопрягались замечательно. Мне никогда не нравились ворожеи, я им с самого начала не сильно доверял. Как клиентов – ценил, поскольку за несложные в целом заказы платили они добросовестно и щедро, но всякий раз мне казалось, что они меня словно проверяют перед тем, как предложить какую-то более серьезную работу. И всякий раз, когда я об этом думал, то ощущал неприятный холодок, появляющийся где-то внизу живота.

– Так уже все, уже не надо, – успокоил я разошедшегося

старичка. – Они сами по себе, я сам по себе.

– Что тоже не очень-то хорошо, – невесело ухнул филином антиквар. – Вряд ли эти дамы откажутся от дальнейших поисков, так что как бы тебе с ними на Урале не встретиться.

– Да там, на Урале, с кем ни столкнись, все плохо, – усмехнулся я – И с ними, и с полуночниками, которые невесть кому служат, и с собственной бывшей женой... Хотя встреча с ней, пожалуй, не самое плохое, что может случиться. Она хотя бы человек. А вот наги, которые вообще непонятно откуда выползли, это, знаете ли... Майе, если что, можно ногу прострелить, и все, она из гонки выбыла. А в этих мутантов хоть обойму всади, они знай в драку лезут.

– Огонь, – коротко ответил мне Шлюндт. – Самое надежное средство против нагов – огонь. Лучше всего, конечно, алхимический. Одно плохо – где же его сейчас сыщешь? В старые времена в Европе почти любой более-менее сведущий алхимик за пару талеров тебе сотворил бы специальную мазь, что наносится на клинок меча или лезвие кинжала. Отличная была штука – втыкаешь оружие в тело нежити или нелюди, и оно вспыхивает синим пламенем, которое выжигает из противника нежизнь. Но то раньше, а сейчас... Были алхимики, да все сплыли. Так что используй достижения современной химии. Фосфор хорош, если его на пули нанести. Бензин тоже можно в ход пускать. А, вот еще способ – сруби нагу голову и сожги ее на костре, это для них верная смерть. Регенерация у них великолепная, но без го-

ловы никто воскреснуть не сможет. Ну а самый лучший вариант вообще с ними не сталкиваться. Хотя, боюсь, он и самый маловероятный. Не скажу, что Урал их родовая вотчина, но когда-то этой пакости шепелявой там хватало с достатком. Сам я те времена, разумеется, не застал, но так мне рассказывали.

– Карл Августович, а им слеза Рода зачем?

– Снова затрудняюсь ответить, – произнес старичок. – Но если уж они вылезли из своих нор, то точно какие-то идеи на этот счет у них есть. Причем, знаешь, мне не столько интересно, зачем она им, сколько любопытно другое – откуда они про нее вообще узнали? Кто им рассказал?

– Может, просто учуяли? – предположил я. – Хотя вряд ли. Они же змеи, а не служебные собаки.

– Не знаю, не знаю, – сказал антиквар. – Может, когда-нибудь и на этот вопрос ответ найдется. И кто знает, может, его даже отыщешь именно ты. Ну, а я на этом с тобой прощаюсь. Увы, но мне пора идти, мы и так заболтались. Удачи тебе, Максим! И жду от тебя добрых вестей.

Мое ответное «до свидания» Карл Августович уже не услышал, поскольку связь прервалась.

Однако разговор-то вышел почти по всем статьям полезный и своевременный. Ну а почти – из-за запрета найма сторонних специалистов. Я уж даже прикинул, кого из сотрудников частного агентства «Центурион» возьму с собой на Урал, и тут на тебе! И ведь главное – парни там надежные,

проверенные, привычные к диким местам. Но теперь нельзя по соображениям деловой этики. Не ровен час, дело провалится именно из-за них, тогда Шлюнд будет в своем праве выкатить мне претензии по полной. И что-то мне подсказывает – счет на возмещение убытков от него я получу немалый. Причем добро, если речь пойдет только о деньгах, а не о чём-то другом.

Чём именно? Понятия не имею. И даже знать не хочу.

Я глянул на часы. Однако надо выдвигаться, а то все «пробки» собираю. Нет, когда поеду обратно, то так и так в них залипну, но туда хотелось бы добраться с ветерком, тем более что дорога-то неблизкая.

– Сегодня еще вернешься? – спросила у меня Геля, жующая грушу. – Или уже не ждать?

– Скоро точно не ждать, – уверенно ответил я. – Так что, если хочешь, закрывай контору и иди домой.

– Не, пока побуду тут, – мотнула головой она. – Регина из нотариальной конторы сказала, что сегодня какая-то комиссия нагрянет к вечеру, чего-то проверять будут. То ли техническое состояние здания, то ли еще чего. Ну как и к нам заглянут? Сам же знаешь – если сразу документы не показал, то ценник с ходу процентов на двадцать поднимается.

– Хозяюшка! – растроганно шмыгнул носом я, перегнувшись через стол и чмокнул Гелю в лоб. – Каждую копейку бережешь!

В кармане задержался смартфон, я достал его и глянул на экран. О как, Ровнин звонит, я даже догадываюсь, по какому поводу. Только говорить с ним у меня никакой охоты нет, потому отвечать не стану. Вот пообщаюсь с ворожеями, сначала с одной, а потом, если все сложится, и с другой, тогда ему перезвоню.

За то время, что я провел в офисе, погода на улице изрядно подпортилась, откуда-то натянуло тучи, из которых начал накрапывать мелкий дождик.

– Совсем некстати, – пробурчал я, забираясь в машину. – Как куда ехать, так на тебе!

– Не скажи, – произнес кто-то у меня за спиной. – Я, наоборот, очень этому рада. Чуть не сдохла, пока до твоего офиса добиралась!

– Марго! – рывкнул я, поворачиваясь назад. – Совсем сбрендила? Ты чего тут делаешь?

– Прячусь, – хмуро ответила вурдалачка, одетая почти так же, как во время недавней поездки в Лозовку. – Вернее, выживаю. И за это отдельное тебе спасибо, Макс!

– Поясни, – попросил ее я, поворачивая ключ в замке зажигания. – Если можно.

– А ты еще не в курсе? – удивилась моя давняя приятельница. – Seriously? Макс, ты теряешь хватку, раньше все интересные новости к тебе стекались незамедлительно.

– Раз на раз не приходится. И потом – может, новости этой грош цена, вот мне ее и не рассказал никто.

– Грош? – Марго то ли засмеялась, то ли закашлялась. – Да нет, тут цена другая. Дороже стоила моя семья, чем грош, по крайней мере для меня точно.

– О как! – Я влился в поток машин, катящих по Садовому кольцу, а после глянул на неожиданную пассажирку. – Ты серьезно?

– Предельно, – хмуро ответила Марго. – Кто таким шутит?

– Здорово, – выдохнул я и уточнил: – Самвел?

– Ну а кто еще? – Впервые в жизни я услышал, как у моей давней приятельницы дрожит голос. – Сегодня ночью все случилось. Макс, я не думала, что такое вообще возможно. Есть же какие-то правила, договоренности. Покон, наконец. А тут просто за гранью! Они пришли и всех убили. Ничего не объясняя, без предупреждений, без повода.

– Это слишком жестко даже для отмороженного Самвела, – заметил я. – За такое придется отвечать. Ни Арвид, ни Ростогцев подобное ему с рук не спустят, они вурдалаки уважаемые, знающие, им покой в Москве дороже чьих-то амбиций.

– Я тоже так думала, – зло процедила Марго. – Позвонила Ростогцеву, а он мне и говорит: «Самвел не в ответе за то, о чем не знает. Вот как он приедет обратно в Москву – разберемся». Оказывается, этого хрена с горы вообще в городе вчера не было. И сегодня нет. И до конца следующей недели не будет. Он в Ереван улетел, с кем-то повидаться на исто-

рической родине.

– То есть вроде как и ни при чем, – усмехнулся я.

– Именно. – Марго топнула ногой. – А его пристяжь тем временем меня гоняет по всей столице. Ночью прокололись, не смогли в клубе прикончить, я через окно сиганула, так теперь, как волка, флажками обкладывают. Расчет-то у них простой. Понимаешь, о чем я?

– Разумеется. Если тебя нет, то и претензии нет. Спрашивать некому. А Ростогцев с Арвидом сами лодку раскачивать не станут, они понимают, что Самвелу только твой район нужен. Ну а отдельные вообще на все это плюнут, им чем вас меньше, тем лучше.

– Именно, – кивнула Марго. – Я так подумала-подумала и к тебе поехала. Кто всю эту карусель раскрутил? Ты. Теперь давай спасай меня.

– Ну-ну-ну! – возмутился я. – Самвел на тебя зуб и без того точил, причем давно, так что ты меня к этому бардаку не цепляй. Хотя ситуация в целом мерзкая, не спорю. Я такого давно не видал.

– Макс, мне где-то спрятаться надо недели на две, – попросила вурдалачка. – Пожалуйста. Я понимаю, что семья всё и район всё, но спросить-то с этого гада я за ребят должна? Или вообще без всяких разбирательств его грохнуть, что, наверное, даже правильнее. Нет, в этом деле я тебя о помощи просить не стану, тут личное, только мое. Но до того схорониться надо, так, чтобы не нашли. Наверняка же у тебя

какие-то лежки в городе есть? А если ты еще покушать будешь носить и новости рассказывать, то моей благодарности не будет предела!

– Лежки есть, а вот со всем остальным, извини, никак. Я, видишь ли, не сегодня-завтра из города тоже уезжаю, причем, скорее всего, надолго.

– Да блин! – ударила ладонью о ладонь вурдалачка. – Что ж все один к одному-то... Хотя... А куда едешь?

– Далеко, – уклончиво ответил я. – Отсюда не видно.

– Хорош темнить, – попросила Марго. – Можно подумать, мне есть с кем этими секретиками делиться!

– На Урал еду, – сочтя ее слова резонными, ответил я. Долго данная информация все равно тайной не пробудет, я еще до места не доберусь, а все заинтересованные лица будут знать всё, включая номер авиарейса. – По делам. В город Екатеринбург.

– Так и я с тобой! – моментально заявила Марго. – Отличный город! Я когда еще живой была, туда в командировку в составе следственной группы ездила, мы душегуба одного ловили, который девок повадился потрошить. Три месяца там провела, между прочим, более-менее и город, и окрестности изучила.

– Ты пойми, у меня цели не туристические, – попытался еще раз достучаться до сознания спутницы я. – И потом – мне город в целом без надобности, и окрестности его тоже. Мне, скорее всего, в горы придется лезть. Точнее – под них.

– Темно, хорошо, – одобрила вурдалачка мои слова.

– Но до того будет много света, так как до пещер придется добираться своим ходом, а это несколько дней, кабы не больше. Ты эту дорогу просто не переживешь.

– Вариантов масса, – возразила вурдалачка. – Ты же не пешком пойдешь, ты же на чем-то поедешь? Засунь меня в спальный мешок и классифицируй как багажное место. А уж подземелья мне – дом родной!

Я хотел было сказать, что в перспективе маячит и сплав по реке Чусовой, но подумал и не стал этого делать.

Собственно – а зачем? Ведь, по сути, Марго спутник что надо. Я ее знаю, ей доверяю, разумеется, с поправкой на то, насколько вообще можно доверять вурдалачке, да и в драке она никогда труса не празднует.

А еще ей можно будет скормить Аркашу, если он меня совсем достанет. И Марго вкусно, и мне радостно.

Единственное – надо будет кое-что проверить.

– Макс, я же в темноте отлично вижу! – расценив мое молчание по-своему, продолжила нудеть Марго. – А еще...

– Ладно, ладно, – я хлопнул ладонью по рулю. – Но только давай договоримся сразу: ты не создаешь мне никаких проблем правового характера. То есть ты...

– Веду себя пристойно и кровушку у всякого встречного-поперечного не пью, – перебила меня Марго, а после еле слышно хихикнула.

– Ну да, – подтвердил я, а после спросил: – Только что тут

смешного?

– Просто вспомнила одну песню Высоцкого, – пояснила вурдалачка. – Хотя ты вряд ли его знаешь. Ты ж из поколения «пепси».

– Почему, знаю, – возразил я – Отец слушал. У него целая коллекция дисков была.

– Так ведь отец, не ты. Кстати! А ты ведь мне про своих родителей никогда не рассказывал.

– В Екатеринбург полетишь в багажном отделении, – сухо произнес я. – От греха.

– Ладно, – согласилась Марго. – Как скажешь.

– Что до Самвела... Приедем обратно – разберемся, – продолжил я. – Сдается мне, он одной твоей семьей не ограничится.

– Мне тоже так кажется. Он на тебя очень большой зуб затаил, чего даже не скрывает особо, – призналась вурдалачка. – Просто я это озвучивать не стала, подумала, что ты тогда решишь, что, мол, Марго специально сгущает атмосферу и так далее. Ну, ты понял, да?

– Само собой, – подтвердил я. – Чего тут не понять?

Часа через два мы добрались до экофермы ворожей, которая даже в хмурую погоду выглядела как прелесть что такое. Эдакая сельская пастораль из рекламного ролика, того, в которых грудастые румяные доярки наливают полные кружки белоснежного молока очаровательным щекастым детишкам, а чистенькие рыжие коровы, глядя на все это, весело крутят

хвостами.

Въезд на территорию экофермы на машине был запрещен, идти туда следовало ножками, по-старому, как предки заповедали. Да, собственно, и проезжая дорога заканчивалась где-то в полукилометре от нее. Потому я запарковал свой «форанер» под раскидистым деревом, так, чтобы он находился в тени, на всякий случай велел Марго ни при каких условиях его не покидать, заработал в ответ недовольно-ворчливое «Издеваешься?», после выбрался из салона, достал из кармана смартфон и набрал номер Яромилы.

Глава 4

– Ты быстро, – сообщила мне глава общины, ответив на звонок почти моментально. – Думала, только к вечеру появишься.

– Смотря что считать вечером, – резонно заметил я. – Времени полшестого, по моим меркам это давно не утро, и даже уже не совсем день. Где беседовать станем? Все же в дом пригласите или прогуляемся, как изначально предполагалось? У вас тут благодать – зелено, тишина. Душа с сердцем на пару отдыхают, глядячи на такую красоту.

– До поры до времени тишина, – вздохнула Яромила. – Завтра большая экскурсия пожалуйет, на почти полсотни человек. Я когда узнала, сразу было сказала «нет», но потом оказалось, что это «целевики», которых вот так запросто не пошлешь куда подальше. Местная управа какой-то социальный проект запустила под лозунгом «Наше прошлое – наше всё!» – и мы в нем тоже фигурируем. Причем, как водится, непосредственно нас о том никто не уведомил, просто перед фактом поставили. Теперь придется соответствовать. А куда деваться? Ссориться с чиновниками себе дороже, больно много маеты, замучают же потом всякими проверками и инспекциями. И убивать кого-то из них для науки остальным смысла нет, там всегда очередь на освободившееся место безразмерная, причем все соискатели поголовно

инициативные и креативные. Когда чиновник бездумно исполнителен – это еще ничего. Но когда он деятельное рвение проявляет, да еще и с фантазией – это, знаешь ли, совсем уж жуть. Почище любой Нави, пожалуй, будет. А, все, вижу тебя. Что встал? Иди сюда!

В отличие от своих приближенных, которые все, как одна, были особы высокие, крепкие, то, что называется «кровь с молоком», Яромила особой статью и ростом не отличалась. Старушка и старушка – румяная, шустрая, в чистеньком передничке и всегда улыбчивая. Кстати, кроме нее тут особ преклонного возраста я никогда и не видел. Девчонок, которые только-только входят в возраст, хватало, девушек, от которых глаз не отвести – тоже. Дам среднего возраста – тех поменьше, но они все же есть. А вот из бабулек одна Яромила. Почему так – понятия не имею и, признаться, выяснять не особо стремлюсь. Это те знания, от которых пользы почти наверняка не предвидится, а вот неприятностей может выйти немало. Вдруг они тех, кто перешагнул через определенный возрастной рубеж, в ночь полнолуния в жертву древним богам приносят? Или, к примеру, вон в том лесу к дереву их зимой привязывают с какими-то ритуальными целями, а после так и оставляют? Ну да, берегини, если верить легендам и сказаниям, вообще-то ратовали за то, что любовь спасет мир и следует заниматься ей, а не войной, но даже самые благие идеи, пройдя через века, иногда перерождаются в не пойми что. Зло – нет, оно и тогда было злом, и сейчас

им осталось, наги тому условно живой пример. А добро... С ним все так непросто, так непонятно...

Потому, если я узнаю о берегинях что-то подобное и она про мое удовлетворенное любопытство проведает, добра не жди. А оно мне зачем? Свои проблемы девать некуда.

– Исполать вам, достославная Яромила. – Я отвесил старушке поясной поклон, причем ни капли иронии или сарказма в моем голосе отыскать было нельзя. – Как здоровье? Как дела вообще? Летний период себя оправдывает в разрезе бизнеса? А то, помню, в том году вы не очень были довольны.

– В том году дожди лили как из ведра, – глава общины показала пальцем на небо. – Причем, как назло, всегда под выходные тучи натягивало. А в этом погода стоит что по заказу, грех жаловаться. Если до сентября эдакая благодать продержится, то мы установленные плановые показатели по доходу выполним и перевыполним. Да тыфу на тебя, Чарушин, с твоими вопросами! Я прямо свою молодость вспомнила, ту, когда тут просто молочная ферма стояла, а не «эко». Ох, заморочное же было время! То комиссия нагрянет, то по партийной линии проверка, а то и ОБХСС пожалует. И всех встретить, привет, накорми, напои, будто мы не ворожеи, а Яги из сказок Афанасьева. А бумаг сколько писать приходилось – ой!

– Зато сейчас все замечательно. – Я окинул взглядом аккуратненькие домики с низенькими заборчиками, не закрывавшими обзора их обитательницам, идеально подстрижен-

ные кусты, в которых буквально утопала ферма, и яблони, ветки которых ломились от плодов. – Самая большая неприятность, которая есть, – принять участие в социальной программе, но это же, по сути, такая мелочь.

– Все равно раздражает, – призналась мне Яромила, а после спросила: – Привез обещанное?

– Конечно же нет! – рассмеялся я. – И вы это прекрасно знаете.

– Ты нам настолько не доверяешь? – уточнила ворожея. – Да и потом – не сильно честная сделка выходит, Максим. По верному, по-старому как? Делаем все баш на баш, я даю – и ты дашь. Что ты склабишься? Я не о том, а о другом.

– Так, выходит, и вы мне не сильно верите, – заметил я, – если думаете, что после любезности с вашей стороны мне в голову придет венец у себя оставить.

– Раз не привез – варианты возможны, – упорствовала старушка. – Или не так?

– Не так, – спокойно парировал ее выпад я. – Во-первых, мне дорога моя репутация. Во-вторых – кому он вообще, кроме вас, нужен? Ювелирной ценности венец не имеет, исторической тоже по причине полной деформированности, так что...

– А вот тут ты оплошал, дружок, – мelenько засмеялась Яромила. – Мы, наследницы берегинь, все вроде почти родня, но полного ладу между нами нет и не было никогда, и ты, хитрован, про то отлично знаешь. Потому предложи ты этот

венец любой другой верховной матери, она охотно у тебя его приобретет. За деньги, за услугу или еще как. Они же знают, что после с меня за такую диковину можно будет пятерную или даже десятикратную цену взять.

Есть такое, факт. И да, наверное, я мог бы не закладывать такие петли, сразу выйти на Ильмеру, вот только на связях с Яромилой после такого демарша можно было бы сразу ставить крест.

– Но я же здесь, а не где-то там еще. И даю слово, что венец будет отдан вам в том случае, если вы мне поможете решить один вопрос.

– А если не выйдет ничего? – мигом поинтересовалась Яромила. – Я помогу, да толку от того будет чуть и цели своей ты не достигнешь? Тогда как?

– Возьму небольшую доплату зельями, и все равно венец перейдет к вам, – помедлив, ответил я. – Это вопрос решенный.

В кармане задергался смартфон, я его достал и глянул на экран. Ровнин. Опять. И снова не ко времени.

– Я хочу получить венец уже сегодня, – заявила старушка.

– Не проблема, – пожал плечами я, сбрасывая вызов. – Вы выполняете мою просьбу, потом одна из ваших подручных прокатится со мной в Москву, где его и заберет. Всем хорошо, все довольны.

Я все равно собирался ночевать в офисе, так что одно другому не помеха. Дома, конечно, лучше, но кто его знает, ка-

кие гости меня там могут навестить? Вурдалаков и ведьм я не особо опасался, им порога моей квартиры без дозволения не переступить, а вот полуночники или наги – совсем другое дело. Что-то мне подсказывает, что их мои ловушки и обереги не остановят.

– Ладно, будь по-твоему, – недовольно насупясь, позволила Яромила. – Что нужно?

– Так я уже озвучил свое пожелание. Поддержка и личное поручительство.

– Максим, ты слишком много общаешься с ведьмами, – тяжело вздохнув, попеняла мне верховная мать. – В результате нахватался от них дурных привычек вроде разговоров краями и постоянных незаконченных фраз. Я не из их племени, гадать, что да как, не собираюсь, у меня на то ни времени, ни желания нет. Хочешь помощи – излагай четко и ясно, о ком идет речь и в чем суть вопроса? Нет – говори, какие зелья хочешь, поторгуемся маленько, потом сговоримся, да и все. И проваливай отсюда.

– Мне нужно достичь согласия с Ильмерой, – произнес я, – по ряду вопросов.

– Вот тебе и раз! – удивилась Яромила. – А ты где с ней схлестнуться успел?

– Я-то нигде, но она, боюсь, так не считает. Ну или не сочтет, когда узнает, о чем мне с ней побеседовать нужно.

– А о чем пойдет речь? – верховная мать общины явно заинтересовалась происходящим.

– Штука в том, что мне досталась сомнительная радость стать посмертным вестником Беяны, – невесело пояснил я. – Она давеча отбыла туда, где нет бед и печалей.

– Кое-кому надо косы пораздергать, – задумчиво заметила Яромила. – Беяна за кромку ушла, а я ни сном ни духом. Непорядок. И кто же ее, родимую, упокоил?

– Не знаю, – теперь уже я вздохнул. – Не видел. Они меня не дождались.

– На твое счастье, Максим, на твое счастье, – заметила ворожея. – Тот, кто с Беяной смог совладать, тебя, скорее всего, пришиб бы совсем уж без хлопот. Но это ладно. А с чего ты решил, что Ильмера смерть подруженьки своей на тебя повесит? Ты же этого опасаясь?

Я молча кивнул.

– Зря, как мне думается. – Яромила поправила платочек, которым была повязана ее голова. – Ильмера, конечно, с возрастом стала сурова без меры, не то что я, мягкосердая, но из ума окончательно пока не выжила, соображает, что к чему. С чего Беяне своего убийцу посмертным вестником назначать? Это ж блажь истинная. Да и Покон она чтит по мере сил, а по нему за напраслину спросить с нее могут. Вон хоть бы даже отдельские. Ты же не под луной рожден, потому находишься под их защитой.

А то я сам этого не понимаю! Вот только ей сначала прощ-е меня будет извести, а потом тому же Нифонтову рассказывать о состоянии аффекта, связанного с потерей любимой

подруги. Почему? Да потому, что я для нее сейчас конкурент в погоне за заветным артефактом, причем располагающий информацией, которая поможет проторить к нему дорожку.

Добавим сюда еще тот аспект, что драка штука обоюдная, в ее процессе и я запросто могу отправить на тот свет кого-то прислужниц Ильмеры, что наверняка не добавит последней благодущия по отношению ко мне. История со слезой Рода рано или поздно закончится, один из нас приберет ее к рукам, а после жизнь пойдет себе дальше. И у меня нет ни малейшего желания иметь во врагах общину ворожей, которые, как известно, всегда платят свои долги.

Ланнистеры, блин, подмосковные...

– Ключевые слова тут «сурова без меры», – пояснил я. – К тому же вы сами сказали – я ведь не из ваших буду. Так, пришлый, на которого Покон не распространяется. И тот факт, что моим наставником являлся один из последних волхвов, ничего, по сути, не решает. А может, он ситуацию еще и усугубляет, вы же с ними никогда не ладили, верно? Скажем прямо – я отличная кандидатура на крайнего.

– Отчасти ты прав, – признала Яромила. – К тому же Ильмера в самом деле с Мирославом лет тридцать назад здорово сцепилась. Причину уже не помню, но они тогда друг друга чуть не поубивали. Да и я его не очень-то жаловала, что было, то было. Но это дела былые, чего их ворошить, ты мне про сегодня лучше расскажи. Это что же такое Беяна натворила? Таких, как она, просто так не убивают.

– Не могу, – развел руки в стороны я. – И рад бы, а никак. Посмертные слова предназначены лишь для Ильмеры, а все, что знаю я, не моя тайна. Заказ есть заказ, подробности его могу осветить только с личного разрешения нанимателя.

– Заинтриговал, заинтриговал. – В глазах главы общины бился огонек любопытства. – Сдается мне, не только смерть Беяны я прозевала, но и что-то еще. Итак – ты хочешь, чтобы я взяла тебя под свое покровительство?

– Ну, это слишком громкие слова, – рассмеялся я. – Да и вряд ли вы подобное станете делать. Я мужчина, потому под вашу юрисдикцию никак попасть не смогу. Будет достаточно, если вы скажете Ильмере, что готовы лично поручиться за мою невиновность в смерти Беяны. Желательно упомянуть о наших давних дружеских отношениях и о том, что вы ими дорожите настолько, что будете очень опечалены, если со мной что случится. Ну а если Ильмера при вас скажет, что претензий ко мне у нее нет, то я буду совершенно счастлив.

– Это все, что ты от меня хочешь?

– По сути да, – подтвердил я. – Потом настанет моя очередь говорить. В том случае, конечно, если сложится более-менее приличная обстановка для нашего общения.

– Ты просишь немало, – отметила Яромила. – Не люблю ручаться за то, чему сама не была свидетелем, а тут именно такая ситуация. Но – хорошо, пусть будет так, тем более что до сегодняшнего дня не возникало повода усомниться в тво-

ей честности. Но ты мне нынче же передашь венец.

– Вашему представителю, – поправил ее я. – Вряд ли вы сами поедете в Москву, верно?

Что-то очень быстро и просто она согласилась на мою просьбу. С чего бы? Хотя, может, для нее на самом деле так важен этот предмет и я сейчас здорово продешевил?

Яромила достала из кармана передника смартфон, повозила пальцем по экрану и выбрала нужный номер. Причем, что характерно, решила воспользоваться функцией видеосвязи.

– Здравствуй, сестра! – услышал я через несколько секунд резкий голос, несомненно, принадлежащий Ильмере. – Извини, много времени тебе уделить не смогу, у меня тут беда произошла.

– Знаю-знаю, – покивала Яромила, – слышала уже про твое горе. Такая потеря, какая случилась у тебя, любого заставит забыть обо всем. Беяна, Беяна, как же так-то...

– Быстро до тебя новости доносятся, – отметила ее собеседница. – Хотя о чем я! Ты всегда стремилась знать все – и что нужно, и что не нужно.

– Лишних знаний не бывает, – мягко заметила Яромила. – Бывают те, кто не знает, как ими пользоваться. Даже самая неприглядная и опасная информация при правильном применении приносит пользу тому, кто ей владеет. Но сейчас не время для споров, сестра. Знай – в твоей скорби мы с тобой. Вся моя община оплакивает Беяну и желает ей легкого

пути туда, где ее встретят тени наших прапаматерей.

— Прими мою благодарность за эти слова, — уже чуть мягче произнесла Ильмера. — Так с чем звонишь?

— Максим Чарушин, — почти пропела мое имя ворожея. — Ведомо мне, что его как-то связывают с гибелью твоей ближницы. Все так?

— Так, — как мне показалось, неохотно признала Ильмера. — Выкормыш Мирослава находился там, где нашли тела Беляны и ее помощницы. Он жив, они мертвы — не странно ли? Хотя, конечно, поверить в то, что этот щенок в одиночку смог бы управиться с ней и Рогозой, невозможно. Но кто знает, может, он каким другим краем к их смерти причастен? Может, это он на них убийц навел?

Вопрос — откуда такая осведомленность? И сразу ответ — отдел постарался. Больше некому. Все как я и предполагал — заложил меня Михеев по полной, без особых сомнений и раздумий. От себя, конечно, ничего не добавил, не стоит на него всех собак вешать, но и голых фактов за глаза хватит для того, чтобы у меня возникли неприятности.

— Максим, конечно, весьма хваткий и бойкий молодой человек, — с легкой насмешкой Яромила глянула на меня, — но пакостей каких я от него сроду не видала.

— Все выясню, — заверила ее собеседница. — Что, как, когда, почему... Сейчас немного с делами разберусь и пообщаюсь с этим хватким и бойким.

— Так далеко ходить не надо, — радостно уведомила ее вла-

делица экофермы и развернула экран в мою сторону. – Он тут, у меня в гостях. Максимушка, помаши Ильмере рукой, сделай милость. И поздоровайся!

Ну, вообще-то мне предстоящая беседа по-другому виделась, более консервативной, что ли, вот только Яромила решила все сделать по-своему. Что тут скажешь? Имеет право, я же не обговаривал с ней каждую фразу. Потому и осталось мне только широко улыбнуться и помахать тоже порядком удивленной главе общины ворожей ладошкой.

– Ильмера, Максим в самом деле хороший парень, – развернув смартфон обратно, заверила коллегу Яромила. – Утверждаю со всей ответственностью. Мы с ним давно знакомы, он не раз выполнял мои поручения, причем довольно конфиденциальные. А ты ведь знаешь, что я вообще очень тяжело схожусь с новыми людьми и далеко не каждого пушу в свои тайны. Его – пустила. Думаю, это кое о чем тебе говорит.

– К чему это всё сказано, подруга? – каркнула из трубки Ильмера. – А?

– Он очень тебя уважает, сестра. Это на самом деле так, иначе бы он не пришел ко мне и не попросил о... Ну, назовем данную услугу заступничеством. Ты же не обидишься на меня за это слово, Максим?

– Ни в коем разе, – ответил я громко. – Впрочем, термин «протекция» тоже хорошо подходит к данной ситуации.

– Ильмера, каждый из нас хоть раз оказывался не в том

месте, не в то время, — мягко продолжила Яромила. — И со мной такое случалось, и с тобой. Помнишь, как в сорок шестом году тебя застали над трупом ведьмы с клыком Цмока в руках? Никто не верил в то, что это не ты ее прикончила. Никто, кроме меня. И я доказала твою невиновность, хоть это было и нелегко.

— Кстати, до сих пор не понимаю, почему ты тогда это сделала, — заметила ее собеседница. — Подругами мы сроду не являлись, пользы тебе с моего оправдания никакой не предвиделось. Я никого ни о чем не просила и на благодарность скупа, ты о том знала. Так зачем?

— Потому что могла, — с достоинством ответила ей Яромила. — Ну, молодость, конечно, давала о себе знать. Хотелось понять пределы своих сил и разума, задачка-то была со звездочкой, поди такую реши. Как нынче говорят? Вызов. К чему я — здесь то же самое. Максим просто попал как кур в ощиц, вот и все. Что он не убийца, ты и сама сказала в самом начале разговора, относительно же остального... Как думаешь, Беляна сделала бы этого парня своим посмертным вестником, знай о том, что он причастен к ее смерти?

— Эва как! Не устаешь ты, Яра, меня сегодня удивлять. Про то, что ближница оставила весточку перед смертью, мне никто не доложил.

— Потому что источник ваш про нее ничего и не знал, — подал голос я. — О последней воле ведомо только мне, досточтимой Яромиле, а теперь и вам. Когда я в дом вошел,

Беяне оставалось всего ничего, копьё же прямо под сердце вогнали. Как она вообще с такой раной прожила столько – не понимаю. Она меня знала, была в курсе, чем я занимаюсь, кто мой наставник и как отношусь к делу, потому, наверное, и доверила свою последнюю волю.

– А что ты вообще в том доме забыл? – спросила у меня Ильмера – Зачем туда пришел?

– Вы точно хотите, чтобы я прямо сейчас ответил на этот вопрос? – уточнил я. – Просто тогда мы затронем достаточно интимную тему...

– Приезжай ко мне, – велела ворожея. – Прямо сейчас. Тут все и обсудим.

Яромила мигом развернула гаджет ко мне, так, чтобы я увидел и лицо собеседницы, и то, как она сама несколько раз мотнет головой, словно говоря мне: «Ни в коем случае».

– Увы, вынужден отказаться. – Я и без ее подсказки на подобное наверняка не согласился бы. Убить меня теперь Ильмера, может, и не убьет, ей лишние проблемы ни к чему, но риск того, что выйти из ее хором мне будет куда сложнее, чем в них войти, весьма высок. – У меня время чуть ли не поминутно расписано. Вот и перед подругой вашей кое-какие обязательства имеются. Давайте я вам лучше все по телефону передам, тем более что там информации всего ничего, Беяна буквально пару фраз успела мне сказать перед тем, как умерла.

– Очень правильное решение, – согласилась со мной хо-

зьяйка экофермы. — Чего зря время тратить? Говори, дружок, говори.

— Без обид, но тут дело приватное, — твердо произнес я, решив пропустить мимо ушей резанувшее меня слово «дружок». — Лично у меня от вас тайн почти нет, но конкретно эта не моя, она предназначена лишь для досточтимой Ильмеры.

— Резонно, — снова не стала спорить глава местных ворожей, несомненно, неспроста ставшая настолько покладистой, и сунула свой телефон мне руку. — Держи. Вы секретничайте, а я пойду разгон своим лентяйкам дам. Вон расселись, коровищи, жиры на бока нагоняют! Им чего бы ни делать, лишь бы ничего не делать.

— Думаю, будет правильнее, если мы побеседуем с моего телефона, — предложил я Ильмере, задумчиво смотревшей на меня. — Или вы сами меня наберите. Как удобнее.

— Скажи мне свой номер, — моментально согласилась она, — а аппарат Яры выкинь. Да куда подальше, чтобы до него ни слова из нашего разговора не донеслось.

Выкидывать телефон я не стал, положил на скамеечку, находившуюся неподалеку от того места, где мы беседовали, и, видимо, предназначенную для тех гостей экофермы, которым внутрь хода нет, а после отошел от нее в сторонку.

— Что сказала Беляна? — требовательно спросила Ильмера, перезвонив мне по видеосвязи же. — Слово в слово.

Я выполнил просьбу, опустив только ту подробность, что речь изначально шла о том, чтобы я сразу ей позвонил, и о

том, что последние слова умирающей женщины стали платой за мою услугу. Но так ли это важно?

– Ты на самом деле не видел тех, кто это сделал? – уточнила собеседница.

– Нет. Но копьё, которым вашу помощницу к стене припилили, было очень непростое, украшенное рунами. Какими именно – не скажу, потому что никогда таких раньше не видел.

– Кто тебя нанял, Чарушин? – помолчав, осведомилась Ильмера. – И не ври мне. Я знаю, что ты ищешь то же, что и я. Так кто твой заказчик?

– Это конфиденциальная информация, – сухо ответил я. – Она не относится к теме нашего разговора. Да, собственно, и говорить нам больше не о чем. Обещание, данное Беляне, я сдержал, других обязательств перед вами у меня нет.

– Разве?

– Абсолютно точно, – заверил я женщину, а после крикнул: – Яромила, тысячекратно извиняюсь, можно вас еще на секунду отвлечь?

– Погоди-ка...

Пока все шло почти так, как мне и было нужно, оставалось лишь нанести на почти законченную картину пару финальных мазков.

– Вот мне делать больше нечего, как ваши тайны подслушивать, – сказала Яромила, после того, как увидела, что беседа ведется уже не по ее смартфону. – Ну да ладно. Все, по-

секретничали?

– Данное Беляне слово сдержано, – произнес я. – Думаю, у уважаемой Ильмеры нет причин предъявлять мне какие-то претензии.

– Иля, все так? – обратилась к давней закнутой подружке глава эконоферы. – Этот славный паренек тебе еще что-то должен? Или же все вопросы между вами действительно закрыты, без взаимных претензий и вражды?

– Закрыты, – без особой охоты произнесла глава ворожей. – Пусть будет так. Но вот что я тебе скажу, Максим. Не вертись у меня под ногами и не лезь туда, куда не следует, тогда все у тебя в жизни сложится хорошо, по крайней мере в ближайшее время. Это не угроза, это, скорее, добрый совет. И даю я его тебе лишь потому, что ты ладишь с Ярой. Не хочу ее расстраивать.

– Он не станет, – пообещала Яромила. – Ты же не станешь, Максим?

– У меня такого в планах нет, – подтвердил я. – В мире много дорог, думаю, каждый из нас может выбрать ту, на которой ему не придется обгонять другого.

– Вот сразу видно мальчика с академическим образованием, – одобрительно потрепала меня по плечу верховная мать. – Надо будет тебя как-нибудь зазвать к себе в гости на вечерний чаек. Надо!

– Главное, чтобы у него слова не расходились с делом, – произнесла Ильмера. – Яра, была рада повидаться.

На этом наша с ней беседа и закончилась.

– Я свое слово сдержала, – глянув на темный экран, уведомила меня Яромила. – Дело за тобой.

– Вы отличный переговорщик, – с искренним уважением сказал ей я, убирая телефон в карман. – Всегда приятно смотреть на работу истинного мастера!

– Поживи с мое, еще не тому научишься. – Ворожея подошла к лавочке и взяла с нее свой смартфон. – И еще вот что – ты особо словам Ильмеры не верь. Она очень не любит, когда что-то случается не по ее воле.

– Этого никто не любит, – хмыкнул я. – Так что даже не удивлен.

– Но почти все, если сразу отомстить не удалось, со временем про это забывают. Она – нет. И через век вспомнит, лишь бы возможность свести счеты подвернулась. Специально ее, конечно, искать не станет, за это поручусь, но если случай возникнет, она им воспользуется. Так что мой тебе совет – не имей с ней никаких дел. Никогда. И с подручными ее тоже.

Как бы мне с теми подручными на Урале не схлестнуться. Уверен, они туда тоже вот-вот отправятся. А может, и уже там.

Вывод – если дело с ними дойдет до выяснения отношений, никакие переговоры и компромиссы с присными Ильмеры невозможны. Тут в ход придется пускать другие аргументы.

– Спасибо за совет, – я приложил руку к сердцу и чуть склонился, – и за помощь в целом.

– Пожалуйста. – Ворожея глянула на небо. – Однако за разговорами и вправду вечереть начало. Давай-ка, мил дружок, отправляйся в город. А с тобой вон одна из моих девиц прокатится, Дарой ее зовут. Значит, предупреждаю сразу – намеки какие строить ей даже не думай. Не про тебя она, ясно?

– Ясно, – кивнул я. – Никаких намеков. Но кофе-то угостить можно, если что? Чисто по-дружески?

Дара оказалась девушкой во всех отношениях приятной, да еще и на собственном транспорте, что меня немало порадовало. Просто в противном случае ее пришлось бы знакомить с моей неожиданной пассажиркой, что, несомненно, вызовет не очень приятные ощущения у обеих. Ворожеи вслед за берегинями очень недолюбливают нежить, а Марго сейчас просто-напросто находится в изрядно растрепанных чувствах, потому в принципе видеть никого не хочет. Скорее всего, даже меня.

Но нет, Дара оказалась владелицей винтажного «Фольксвагена-жука» синенького цвета, причем вела его весьма умело, не сказать – залихватски. Да и от кофе на одной из заправок, куда я завернул где-то через полчаса пути, не отказалась.

Вот только поболтать нам не удалось, поскольку мне снова позвонил Ровнин. В третий раз скидывать его вызов я счел

не слишком разумным, потому пришлось отвечать.

– Макс, ты от меня прячешься, что ли? – недовольно осведомился у меня начальник отдела. – Или так занят, что минутку на общение с хорошим знакомцем выделить не можешь?

– Не поверите, Олег Георгиевич, так и есть, – рассмеялся я. – Кручусь сегодня как белка в колесе. Что случилось?

– Убийство случилось. И ты в качестве свидетеля.

– Хорошо, что свидетеля, – заметил я, – а то ваш Михеев меня чуть ли в душегубы записал.

– Это тебе показалось, – заверил меня Ровнин. – Паша вымотанный был, вот его немного и переклинило. Ты только свидетель.

– Что радует. Подозреваемым быть куда хуже.

– Пока особо не ликуй. Если не забыл, прибили ворожей, а их подруги – дамы со своей точкой зрения на происходящее, частенько не совпадающей с официальной. Так что как бы не пришлось с ними объясняться. Нет, я, конечно, чем смогу, тебе помогу, но сразу скажу – просто не будет. Тут, возможно, придется задействовать административный ресурс, еще кое-какие кнопки нажать... Но, полагаю, что-то да придумается.

Ага. И я опять попаду в долги перед отделом, которые после придется возвращать сторицей и очень долго.

Вот правильно мне в свое время сказал Мирослав: «Не жалея в нужный момент отдать малое, чтобы после

не расстаться с большим. Дешевле выйдет». Венец жалко, но сколько я с него пользы уже поимел.

– Да что вы будете время тратить? Я как-нибудь сам справлюсь, – сообщил собеседнику я, – своими силами. А вот если не получится, тогда уж...

– Даже как-то обидно такое слышать, – задушевно произнес Ровнин. – Мы вроде не чужие люди, не раз друг другу помогали. Впрочем, хозяин – барин.

– Не обижайтесь, – попросил его я. – И – спасибо. На самом деле приятно, что есть те, кто всегда придет тебе на помощь.

– Очень своевременное слово – «придет». – Тон Ровнина неувовимо изменился. – Ты вот что – загляни-ка завтра к нам в отдел часиков в одиннадцать. Надо кое о чем поговорить.

Вроде и просьба, а вот фиг в ее выполнении откажешь. Придется идти. Но в качестве компенсации прямо сейчас можно кое-что с начальника отдела срубить. Марго мне, конечно, подружка, но это не означает, что я во всем доверяю.

– Олег Георгиевич, а правду говорят, что вчера в Кузьминках вурдалаки друг другу глотки рвали? Или врут?

Глава 5

Беседа с Ровниным подтвердила слова Марго, ее семья и вправду накануне была уничтожена целиком. Ну или почти целиком, поскольку обычному человеку понять, сколько именно вурдалаков убито в той или иной заварушке, возможным не представляется. Конечная смерть превращает среднестатистического кровососа в кучку пепла, и если ты сам не участвовал в потасовке, ведя учет уничтоженным противникам, то вряд ли поймешь, что там к чему. А коли дело происходило на улице, то минут через пять-десять после столкновения пейзаж вообще станет таким же, как до него, ибо ветер, а иногда и дождь, просто-напросто уничтожат все следы.

Печали особой Ровнин по поводу случившегося явно не испытывал, что совершенно не странно. Отделу на руку подобные инциденты, поскольку враждующие стороны, уничтожая друг друга, по сути, облегчают им жизнь. Так сказать – естественная убыль популяции.

Но при этом я никогда не слышал о том, чтобы отдельные когда-то срамливали между собой вурдалачьи семьи или кованы ведьм. Да, они приветствуют междоусобицу, в которой гибнет нечисть и нежить, но при этом все же ведут дела честно. По крайней мере настолько, насколько это возможно.

Относительно семьи Марго – думаю, все же никто из нее не уцелел. То, что повязанные общей кровью вурдалаки чувствуют

друг друга на расстоянии, разумеется, сказки, так не бывает. Но я знаю свою приятельницу, если бы хоть кто-то из ее близких смог уйти от преследования, она была бы с ним, а не со мной. Марго относится к тому типу личностей, которые не бросают своих в беде, спасая личную шкуру, в этом я уже имел возможность убедиться.

Впрочем, проверить ее слова все же следовало. Хорошее отношение хорошим отношением, но в каком-то смысле я временно принимаю вурдалачку в свою команду, то есть она увидит и услышит кое-что, о чем в другой ситуации понятия не имела бы.

Кстати, надо будет с собой крови в гемаконах захватить, да с запасцем. Меня Марго пить, конечно, не станет, а вот Аркаше может и не поздоровиться. Убить она его не убьет, разумеется, но ослабевший и постоянно сонный соратник мне тоже ни к чему. А в том, что он попрется с нами в горы, я не сомневаюсь, очень уж сей молодой человек исполнительен и усерден.

– Неплохое местечко для офиса, – заметила Дара, окидывая взглядом наш уютный дворик, который, разумеется, ничего общего с картиной Поленова не имел, но при этом некое очарование уходящей московской натуры все же сохранить умудрился. – И центр, и душевно. Но арендная плата, небось, такая, что представить страшно?

– Мне по карману, – уклонился от прямого ответа я. – Да и где сейчас цены не кусаются?

– Мы вот ничего никому не платим, – бойко ответила девушка. – Земля – она наша. Ой, а ты не один в машине, оказывается, был?

Это она заметила Марго, которая решила наконец-то выбраться из салона поразмяться и, фигурально выражаясь, глотнуть ночного воздуха. Елки-палки, вот не могла дождаться, пока ворожея в обратную дорогу пустится.

– Нежить? – вглядевшись в бледное лицо моей спутницы, брезгливо поморщилась Дара. – Фу! Максим, вот не ожидала!

– Что за шовинизм? – недовольно пробурчала вурдалачка. – Я тоже могу сказать: «Чарушин, ты общаешься с ворожеями? Фу-фу-фу, они же заманивают к себе молоденьких дурочек и забирают их души». Но я же так не делаю? Почему? Потому что в каждом из нас присутствуют свои недостатки, и колоть ими глаза друг другу есть дурной тон.

– Байка это, – заметив, как посланница Яромилы недобро сузила глаза, а после подобралась, словно для прыжка, влез в беседу я. – Мне ее тоже рассказывали. Еще упоминали о том, что они весь год быка откармливают, а по осени его сначала оскопляют, а после целиком зажаривают и съедают, символизируя тем самым ненависть к мужчинам. Дара, этот на самом деле так?

– Бред какой! – поморщилась девушка. – Мы вообще мясо не употребляем в пищу.

– Вот и я о том же. Мало ли кто что говорит. – Я открыл

подъездную дверь. – Ладно, жертва толерантности, стой тут, жди, пока позову. Ну а ты, Дара, ступай за мной.

– Твое счастье, что я здесь гостья, – косо глянула на вурдалачку ворожея. – Но на будущее запомни – лучше нам больше не встречаться.

Что у Марго за характер, а? И так уже в бегах, на нее, по сути, охота объявлена, а она с невероятным упорством заводит себе новых врагов.

Может, ну ее на фиг, с таким-то подходом к нежизни? Ладно тут: Москва – мой родной город, если я сам какие-то проблемы не решу, то всяко найду тех, кто сделает подобное за меня. Но в Екатеринбурге подобный номер не пройдет, там у меня связей почти нет. Занесет нас по какой-то нужде, например, на «Уралмаш» или на «Сортировку», брякнет она там вот такую хрень, и все, прощай Уфалейский хребет. Почему? Да нас там и зарюют. Вурдалачья братия, ведьмы и оборотни Урала не сильно похожи на наших сибаритов, пьющих кровь у симпатяшек гоу-гоу в ночных клубах или гоняющих чай в благоустроенных поселках. Там вам не столица, там климат иной. И норы иной. Бывал, видал, знаю.

– Кажется, где-то наверху кричат? – глянула на меня Дара – Слышишь?

Второй вопрос она задала уже моей спине. Я тоже услышал девичий вопль и даже узнал голос зовущего на помощь. Орала Геля.

Дверь в офис была распахнута настежь, внутри же обна-

ружились незваные гости, которые непонятно как сюда вообще смогли попасть. А именно – трех вурдалаков, причем двух из них я до сегодняшней ночи ни разу не видел. Зато третий, вернее, третья, была мне знакома, не очень хорошо, но все же. Гелю прижимала к полу та самая поганка, которая на прошлой неделе хотела пустить мне кровь на дне рождения Газвана. Ну а на этот раз она нацелилась прокусить шею моей помощнице, причем не как мне тогда, то есть понарошку, а уже всерьез. Опоздай я на минуту – и все, вспорол бы острый клык нежную девичью кожу в районе внутренней яремной вены.

– Отвяжись от меня, погань! – взвыл один из вурдалаков, пытаясь стряхнуть с себя Арсения, который оседлал шею неожиданного агрессора, и в данный момент деловито собирался заняться вторым глазом. – Я ж тебя!

– Это я тебя! Если бы не Гелька-дура... – заорал домовой, заметил меня и радостно заверещал: – Хозяин! Пособи!

Вот минус пребывания Арсения в статусе «изгой». Уверен, что все его местные коллеги в курсе того, что сейчас происходит в офисе, более того, прямо сейчас за происходящим наблюдают, но ни один из них в драку с кровососами не влезет и нам на помощь не придет. Вот если те сунутся в любое другое помещение – да, они как один вступят с лиходеями в бой, поскольку это их территория. А вот мы вроде как сами по себе, одни на льдине. Наши проблемы – только наши проблемы.

Впрочем, я никогда ни на кого особо последние лет пять и не рассчитывал, потому, погладив себя по голове за предусмотрительность, всадил серебряную пулю в голову вурдалачки, собравшейся поужинать Гелей.

Предусмотрительность заключалась в том, что я, уезжая на встречу с ворожеями, вставил в пистолет магазин, полностью снаряженный серебром. Почему – не знаю, для Яромили и ее присных все едино – что оно, что свинец. Но вот шепнула чуйка сделать так, и, как результат, верно все на-пророчила.

Вурдалачка, кстати, Сеньку услышала и даже в сторону входа успела повернуть голову, потому пуля вошла ей точно между глаз. Само собой, не убила, но дискомфорт доставила немалый, плюс, что важно, полностью отбила аппетит.

Третий, последний кровосос кинулся было на меня, но успеха не достиг, получил пару пуль, после, сопровождаемый силовым приемом, отлетел в дальний угол, разломав при падении своим телом кресло, в котором так любит сидеть Модест Михайлович.

– Тоже твои друзья? – иронично осведомилась Дара, добравшаяся до офиса. – Максим, ты слишком много якшаешься с нежитью. Добром это не кончится!

– Уже, – проворчал я, доставая нож и делая шаг по направлению к вурдалачке, которая, потряхивая головой, силилась подняться на ноги. – Сама же видишь.

По-хорошему, надо бы одного из них в живых оставить и с

пристрастием допросить. Ясно же, что они не своей волей сюда нагрянули, кто-то их послал. И потом – как они ловушки обошли? Ну да, Сенька что-то там про Гелю сказал, но не могла же она доброй волей эту компанию сюда пустить?

Но девку эту точно надо убивать, поскольку она уже второй раз на моей дороге встает. Не люблю я такие совпадения. Лучше вон одноглазого потом попробую разговорить, которого сейчас Сенька треплет.

– Тварь! – раздался рык у меня за спиной, после серая молния, в которой я признал Марго, метнулась к полуоглушенной серебряной пулей вурдалачке и вцепилась ей в горло. – Ты?! Вот и встретились!

– Марго! – зарычала ее противница. – Все никак не сдохнешь?

Скрипнула дверь, ведущая в мой кабинет, и на пороге я увидел еще одного кровопийцу, причем этот поганец держал в руках мой сейф!

– Ну это уж вы совсем обнаглели! – возмутился я и дважды выстрелил в удивленного, а также, похоже, изрядно глуховатого вурдалака, отчего тот, выронив сейф из рук, бухнулся на колени, прижимая ладони к раскुरоченным серебряными пулями глазницам. – Верни вещь на место, сволота!

В этот момент в офисе, и без того не рассчитанном на такое количество народа, что живого, что не очень, стало ещелюднее. Ну если можно так сказать, разумеется. К нашей компании присоединился Модест Михайлович, на минуточ-

ку, бывший владелец этого дома.

– Это что же такое здесь происходит? – осведомился он у меня, окинув взглядом картину происходящего.

– Так ограбление, – ответил я, направившись к ворюге, сквозь пальцы которого сочилась черная слизь. – Сейф, собаки, хотели умыкнуть!

– Лиходеи напали! – просопел Сенька, выдавливая-таки у безуспешно пытающегося сбросить его с себя вурдалака, второй глаз.

– Модест Михайлович, вон та стерва меня убить хотела! – жалобно наклеузничала Геля, так и лежавшая на полу. – И еще подстилкой назвала!

– Суший бардак, – выдала свою версию и Дара. – Вот во всем верховная мать права, нет в городах ничего путного.

– Это был риторический вопрос, – процедил Модест Михайлович, – не требующий ответа. Арсений, брысь!

Увы, но вот тут я зазевался. Вернее, прозевал тот факт, что обитатель чердака пустил в ход тонкий и узкий клинок, обычно скрытый от глаз окружающих в трости, с которой он никогда не расставался. Короче – к тому моменту, когда я прикончил наглого похитителя сейфов, Модест Михайлович расправился с двумя другими налетчиками, от них остались лишь кучки пепла.

А тут еще и Марго, издав победный вопль, вырвала-таки горло у своей противницы, после чего и та навеки покинула этот мир, тем самым лишив меня последней возможности

узнать, кто же именно направил эту компанию сюда, в наш офис.

– Мерзавцы, – ворчал Модест Михайлович, озирая картину разгрома. – Негодяи. Мизерабли! Как посмели? Пойти против всяких правил, против установленного порядка! Куда это годится?

– Никогда не думала, что такое скажу, но, оказывается, среди нежити встречаются и весьма интересные личности, – с неожиданным кокетством заметила Дара и даже накрутила на пальчик кончик своей косы. – Неожиданно! Удивлена. Ладно, вы-то уже дома, пусть даже тут и редкостный срач стоит, а мне еще обратно ехать. Максим, отдай то, что обещал.

Кстати. А ведь запоздай я минут на пять-десять, и все. Сейфа нет, лежащего в нем венца, само собой, тоже, и моя репутация летит в тартарары по всем фронтам. Плюс долг перед Яромилой приобретает такой размер, что меня смело можно начинать называть ее крепостным.

Хотя это все так, ерунда. Геля. Я мог лишиться Гели. Хуже того – та дрянь могла ей подарить не смерть, а нежизнь, что совсем уже скверно. Так что очень вовремя я вернулся.

И все же жаль, что не осталось никого из этой компании. Очень уж мой счет к тому, кто этих головорезов сюда послал, увеличился. В подобных вопросах я всегда занимаю ту же позицию, что и ворожеи. То есть непременно плачу свои долги.

Я пнул ногой горку пепла, который недавно был вурдалаком, открыл сейф, достал из него продолговатый футляр и протянул его Даре.

– Держи. – Я помог подняться Геле, которая мигом уткнулась мне носиком в плечо и тихонечко заплакала. – Открой, убедись, что внутри находится обещанный мной предмет, а после свяжись с Яромилой.

– Ночь на дворе, – мотнула подбородком в сторону окна девушка. – Она уже спит, поди.

– Уверен, что нет, – возразил я, поглаживая свою помощницу по спине, – и тебе это прекрасно известно. Да и вообще, если честно, мне непонятно, для чего ты сейчас устраиваешь весь этот цирк. Дань традициям отдаешь, что ли? Так ты не ведьма вроде, это они без того, чтобы хоть где-то не схитрить, не обходятся.

– Сама не знаю, – призналась ворожея, доставая из сумочки, висющей на плече, смартфон. – Честно.

Как я и предполагал, Яромила ответила почти сразу.

– Футляр открой, – это было первое, что она сказала. – Поднеси к экрану поближе. Замечательно!

– Вот и славно, – подал я голос, как только понял, что верховная мать довольна увиденным. – Яромила, я выполнил обещанное?

– Да, – раздался голос из трубки.

– Полностью? Претензий и недовольства нет?

– Нет, – все так же лаконично ответила ворожея.

– Тогда мы в расчете, никто никому ничего не должен?

– Подтверждаю, – произнесла Яромила.

– Услышано, – сказал Модест Михайлович, с грустью смотрящий на обломки кресла.

Следом за этим Дара сообщила своей повелительнице, что немедленно отправляется в обратный путь, закончила разговор, убрала в сумку смартфон и футляр, махнула нам на прощанье ручкой и настолько стремительно покинула офис, что я еле-еле за ней поспел.

– Ты чего? – насторожилась девушка, увидев меня, спускающегося за ней по лестнице, и моментально засунула руку в карман своей легкой светлой куртки. – А?

– Хочу убедиться, что ты села в машину живой и здоровой. От греха, знаешь ли. Не ровен час, тебя кто по башке стукнет и сумку заберет, а мне потом доказывать твоей хозяйке придется, что я не при делах.

– Тогда ладно, – успокоилась Дара.

Сюрпризов никаких не последовало, хотя имелись у меня подозрения в том, что оставила покойная вурдалачка тут, на улице, кого-то из своих приспешников. Но даже если и так, то он себя никак не обнаружил, ни до того, как ворожея уселась в машину, ни после, когда я остался в темном дворе совсем один.

А в офисе тем временем Арсений взялся за дело. Меня не было-то всего-ничего, а он уже успел смести с пола пепел, оставшийся от незваных гостей, мебель на свои места вернул

и даже Гелю к делу определил, заставив ее сброшенные с полок папки обратно в шкаф выставить, причем предупредив о том, что проверит, в том же порядке, что и раньше, они расставлены или нет.

Что любопытно – Марго он из офиса гнать не стал, а ведь до того он ее, мягко говоря, не жаловал, как и положено домовому. Они считают нежить побочной ветвью эволюции, а та, разумеется, платит им той же монетой.

Видимо, он занес мою кровососущую приятельницу в свой личный список исключений, в который до того входил лишь Модест Михайлович, к которому Сенька испытывал немалое уважение, граничащее с чуть ли не благоговением.

– Одно не понимаю – как они сюда смогли попасть? – сказал я, войдя в офис. – Почему ловушки и обереги их не остановили? Да хрен с ними, с ловушками. Вурдалак не может попасть в дом без приглашения, это один из немногих подлинных фактов в книжках об этой братии, которых развелось без счета.

– Или если это не его дом, – поправил меня Модест Михайлович, прислонившийся к подоконнику.

– Этот вариант тут явно исключен, – хмыкнул я. – Разве нет?

– Просто Гелька – дура, – подал голос Арсений, который сгребал в совок землю и осколки горшка. Алоэ, которое в нем находилось до потасовки, он выбрасывать не стал, а осторожно положил на стол.

– Сам ты знаешь кто! – надула губы девушка. – Мог бы и предупредить о том, что это не доставка суши, а...

– Стоп-стоп-стоп! – остановил я ее. – Какая доставка? О чем ты?

– Эти сказали: «Мы суши привезли», – пояснил домо-вой. – Видать, разговор подслушали ее или курьера, который сушу эту сюда вез, спымали да сожрали. Вот тоже не понимаю – как вы за эдакую отраву столько деньжищ платите? Рис непроваренный да рыба сырая – что ж в том хорошего? Да еще жижа черная, вонючая, куда вы это макаете... Брр!

– А ларчик просто открывался, – рассмеялся Модест Михайлович. – После Геля открыла дверь и сказала: «Входите». Да?

– Причем во множественном числе, – поддержала его Марго. – Нет, ты просто девушка вежливая, к незнакомым людям всегда обращаешься на «вы», но любое слово при желании можно трактовать так, как заблагорассудится. В данном случае это было расценено как предложение войти в дом всем тем, кто стоял за дверью.

– Как всегда, – не глядя ни на кого, буркнула девушка. – В первый раз, что ли?

– Так – да, – потер я лоб. – Воистину, на каждого мудреца довольно простоты. Я строил крепость, а она оказалась домиком из соломы. Но только все равно не сходится. Она же не хозяйка этого дома? Если вообще офис можно считать домом.

– Почему ж нельзя? – возразил мне Сенька, высыпая мусор в корзину, застланную пакетом. – Вы тут и едите, и пьете, и ночуете. Я тут есть, чтобы за порядком глядеть. Значит, это дом, самый что ни на есть. А она в нем быт ведет, с тобой, хозяином, постель делит. Стало быть что?

– В самом деле? – заинтересовалась Марго, глянув сначала на меня, потом на Гелю. – Вы что, того? А я думала – нет. Вот ведь, ошиблась! Старею...

– Ты не стареешь, ты на это неспособна! – зло зыркнула сначала на нее, а потом и на Сеньку моя помощница. – Мертвые не потеют и не стареют!

И вот тут очень кстати подал голос мой смартфон. Обычно он трезвонит не ко времени, но все же случаются и исключения, вот как сейчас.

– Кому не спится в ночь глухую? – изобразил удивление я и глянул на экран. – О как. Неожиданно. Да, Аркадий, слушаю вас.

– Тысячекратно извиняюсь, Максим Александрович, – раздался в трубке привычно-смущённый голос помощника Шлюндта. – Понимаю, время очень позднее... Я же вас, наверное, вообще разбудил?

– Нет-нет, – успокоил его я. – Не разбудили. Я только собирался отходить ко сну, так что не переживайте.

– Просто я буквально час назад получил инструкции от... Ну, вы поняли кого?

– Понял, понял. И?

– Да-да, – заторопился Аркаша. – Мне было велено составить вам компанию в командировке, причем в качестве личного помощника. То есть именно я буду решать все вопросы, связанные с какими-либо бытовыми моментами вроде заказа билетов, бронирования отеля и так далее.

То ли от избытка чувств, нахлынувших на молодого человека после того, как он узнал от своего хозяина такую новость, то ли еще почему, но орал он очень громко, настолько, что Геля, стоявшая неподалеку, все слышала. И ее, несомненно, задела сама мысль о том, что кто-то будет выполнять ее работу, пусть даже и не в столице. Причем тот факт, что речь идет о молодом человеке, а не о какой-то грудастой красотке, которая на самом деле могла бы составить ей конкуренцию, ее совершенно не смущал.

– Я посмотрел рейсы, – продолжал тараторить Аркаша, – их много, вылет или из «Внуково», или из «Шереметьево», с билетами сложностей никаких нет. Но надо определиться со временем. Вам во сколько удобно? И когда?

– Погоди секунду, – задумался я, прикидывая дела, которые мне надо завершить до отъезда. – А давай-ка завтра вечером, часиков в семь-восемь. И лучше из «Шереметьево».

Гипотетически во «Внуково» ехать проще, там пробок меньше, но с ним у меня неприятные воспоминания связаны, потому я предпочту на «Ленинградке» постоять.

– Понял. – Судя по всему, юноша еще и конспектировал все, что мы проговаривали, причем по старинке, ручкой

на бумаге. – Предпочтения по отелю есть? Какой номер бронировать? Ресторан при гостинице должен быть с европейской или паназиатской кухней?

– Аркаша, друг любезный, мы едем не достопримечательности осматривать, а дело делать, – напомнил я собеседнику. – Мы в том отеле дня два проведем, максимум три, потому мне все равно, будет в номере джакузи или нет. И потом – это Урал. Какая, к черту, паназиатская кухня, на кой она нам нужна? Пельмени, шаньги и, если повезет, то озерный пирог.

– Просто я подумал... – начал бормотать юноша.

– Не думай, – попросил его я, – не надо. Просто бронируй билеты и отель. Последний – на твое усмотрение. Как сделаешь, пришли мне информацию – что, где, когда. Встретимся в аэропорту. Причем лучше сделай это с утра, а сейчас иди спать. У нас впереди смена часовых поясов, это та еще мае-та. Вроде два часа, но так хлопотно...

На этом я разговор с моим, как выяснилось, новым помощником и завершил.

– А я, значит, останусь здесь? – задумчиво произнесла Геля, обведя рукой приемную, по которой, казалось, недавно пробежало стадо мамонтов. – Одна.

– Со мной, – поправил ее Модест Михайлович, – и с Арсением.

– Так не все же время вы тут? А я – одна, – повторила девушка. – Беззащитная. Беспомощная.

– Могу дать тебе парабеллум, – предложил я. – Ты, кстати,

сама его весной и пристреливала. В «Вороново», помнишь? Где мы в отеле неумытика ловили, а потом его заначку распотрошили? Там, кстати, мы его и нашли. А после в лесу по банкам стреляли. Как ты тогда пулю в пулю клала, меня аж завидки брали!

– Бросаете, – обреченно констатировала Геля, губы ее затряслись, глаза налились слезами. – Да, Максим Александрович? Ну да, чего меня жалеть. Помощников вон много, только свистни, они появятся.

– Макс, бери ее с нами, – посоветовала мне Марго, усевшаяся на стол. – Seriously. Поверь, оно тебе дешевле выйдет. Ты, если там не сгинешь, обратно вернешься, и поверь – жизни тебе не будет. Долго. Очень долго. Я таких, как она, знаю, у них память настолько длинная, что с ней ни один Альцгеймер не справится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.